

# МВК

18+

Энциклопедия  
мифов

К-Я

# ФЯИ

**Макс Фрай**  
**Энциклопедия мифов. К-Я**  
**Серия «Мир Ехо и**  
**приключения Макса»**

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=120642](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120642)*  
*Энциклопедия мифов. К—Я / Макс Фрай: АСТ; Москва; 2016*  
*ISBN 978-5-17-095196-3*

**Аннотация**

Эта книга была придумана 1 ноября 1995 года, в тот самый день, когда автор «Лабиринтов Ехо» создал новый документ в текстовом редакторе и написал: «Никогда не знаешь, где тебе повезет» – фразу, с которой начинается длинная сага о приключениях сэра Макса.

Ну, то есть на самом деле не «придумана», а просто возникла перед внутренним взором автора – вся, целиком. А потом снова исчезла практически без следа, как это часто случается с внезапными озарениями. Но время от времени автору удавалось что-то вспомнить и записать.

Эти записи неоднократно гибли под развалинами уничтоженных черновиков, но с завидным упорством возвращались к жизни, преследуя автора во сне и наяву, а чаще всего – на заболоченных перекрестках между дремотой

и бодрствованием. В конце концов книга победила авторскую неспособность ее написать. И теперь она есть.

Эта книга содержит не слишком внятный, зато предельно честный ответ на вопрос «Кто такой Макс Фрай?» И множество новых вопросов, ответы на которые автор и сам хотел бы получить.

# Содержание

К	7
1. Круг	7
2. Кур	11
3. Кхун Болом	21
4. Кшитигарбха	22
5. Кырк Кыз	24
6. Кэшот	26
Л	29
7. Ламия	29
8. Лейкпя	32
9. Лиса	35
10. Лопамудра	38
11. Лу Бань	40
12. Лха	42
13. Лэй-Цзу	54
14. Лю Хай	61
М	68
15. Манабозо	68
16. Мбомбианда	71
17. Ме	75
18. Мидгард	78
19. Мом	82
20. Мухаммад	85

21. Мытарства	89
22. Мэнь-Шэнь	94
23. Мяцкай	110
Н	117
24. Нагельфар	117
25. Нгектар	127
26. Ненкатакоа	132
27. Нирвана	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

**Макс Фрай**

# **Энциклопедия мифов. К-Я**

*Книга публикуется в авторской редакции*

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

**\* \* \***

# К

## 1. Круг

...фигура, образуемая правильной кривой линией, без начала и конца...

Некоторые вещи вспомнить почти невозможно. Но обычно оказывается, что только они и имеют значение.

Поэтому.

Я.

Вспоминаю.

Бесцеремонное, в сущности, вторжение. Их было двое. Мужчина и женщина, очень молодые. Их лица я так толком и не разглядел. Только два силуэта, просторные свитера, яркие шарфы, длинные белокурые волосы женщины и прядь, упавшую на лоб ее спутника, темную и тяжелую, как мокрые водоросли. Ноги, обутые в спортивные ботинки, ступали почти бесшумно, но деревянная лестница тихонько поскрипывала под упругими подошвами. Мне почему-то был знаком ритм их шагов – открытие казалось скорее тревожным, чем радостным, хотя ни радости, ни тревоги я тогда еще не умел испытывать. Лишь расставлять по местам наи-

более подходящие определения – это всегда пожалуйста.

Тогда же я обнаружил, что звуки шагов в темноте могут рассказать об идущем куда больше, чем разноцветные картонки, разложенные в определенном порядке смуглой рукой ярмарочной предсказательницы. Впрочем, я оказался молчаливым оракулом: мои откровения годились лишь для удовлетворения собственного любопытства; искусство издавать звуки казалось мне слишком хитроумной наукой, за изучение коей и браться-то не стоит, все равно ничего не выйдет.

Мужчина был рожден в год Огня, женщина – в год Дерева, и сама судьба предназначила ей стать хворостом в его костре, поэтому его пламя пылало на самом дне сердца, а ее легкий огонь плясал на поверхности кожи, обжигая, но не согревая. Глаза же их, как у всех, кто находится под покровительством Нептуна (сумма чисел рождения кратна девятке), казались изменчивыми и глубокими, как морская вода. Эта зыбкая влага не давала их огню разгореться в полную силу, поэтому они походили на людей, собравшихся жить вечно.

Они имели странную власть над событиями, но не умели повернуть ее себе на пользу, ибо само понятие пользы не укладывалось в их головах. Поэтому они играли с миром, как младенцы с набором цветных кубиков: всякая конструкция, причудливая ли, уродливая ли, возникала лишь для того, чтобы тут же быть разрушенной неловким движением могущественной, но неумелой руки; руинам же было суждено чудесное превращение в волшебный лабиринт, впрочем,



и это случалось лишь на краткое мгновение.

Кажется, я тоже был одним из их кубиков.

«Добрый вечер, Макс!» – говорили они и хохотали, как подвыпившие школьники, но смех не звенел, а потрескивал: так трещат отсыревшие поленья в камине. Я недоумевал: что забавного может быть в столь обыденной фразе? «Хорошей тебе ночи, Макс», – их голоса звучали доброжелательно, но снисходительно, словно я был симпатичной дворнягой или ручным скворцом.

Я не давал себе труда удивиться, откуда они знают мое имя, поскольку эти двое были похожи на тех счастливичков, что легко угадывают заветное число, но вечно забывают поставить на него деньги. Перед тем как уйти, они непременно включали старомодную лампу под зеленым абажуром, которая стояла на маленьком столике возле моего кресла, и ее тусклый леденцовый свет казался мне слишком ярким, так что поневоле приходилось просыпаться.

«Круг разомкнулся», – думал я, пробуждаясь. Впрочем, нет, не *думал*, фраза эта, изящная, но вполне бессмысленная (что за «круг»? с какой стати он «разомкнулся»? и был ли «сомкнут» прежде?), ритмично пульсировала в висках, как пульсирует кровь в жилах живых людей. «Круг разомкнулся», – странное словосочетание постепенно наполняло меня, становилось фундаментом будущей телесности. Слова оказались достаточно густыми, чтобы заполнить пустоту, из которой я был соткан прежде; комариный зуд их звучания

не давал мне погрузиться в безмятежное забытие. Я невольно начинал прислушиваться к шорохам мира, которые по капле просачивались теперь в хрустальный дворец моего совершенного одиночества, *одиночества-без-себя*, потому что... *круг* действительно *разомкнулся*.

Это было.

Это было так странно!

## 2. Кур

В шумеро-аккадской мифологии одно из названий подземного мира <...> вторичное название – кур-ну-ги («страна без возврата»). О положении и местонахождении Кур четкого представления нет. <...> В него не только спускаются и поднимаются, но и проваливаются.

...Сначала я просто наслаждался звучанием голосов: приглушенных расстоянием, пока женщины сидели на веранде; четких, когда они собирались к чаю в просторной парадной столовой; бесстыдно звонких, если они окликали друг друга в холле. Я сам не заметил, в какой момент начал внимательно прислушиваться к голосам, но это случилось, и смысл слов постепенно становился мне понятен – поразительное ощущение! До сих пор речь постоянно сменяющихся обитателей трехэтажной виллы, пленником (или хозяином?) которой я то ли стал совсем недавно, то ли был всегда, казалась мне птичьим щебетом, пронзительным, сладкозвучным и напрочь лишенным смысла. Голоса убаюкивали меня, как шум реки. Так перестаешь понимать человеческую речь за несколько мгновений перед тем, как погрузиться в глубокий сон, когда невидимый шейкер перемешивает обе реальности и ты – уже? еще? – не можешь отделить сон от яви (или все-таки одно сновидение от другого?).

– Я недавно перечитывала Сэлинджера...

Дружный смех, тихий, как шорох прошлогодних листьев в саду за распахнутым окном.

– И после этого ты будешь говорить, что тебе здесь совсем не скучно?

– Пока ничего страшного, девочки. Но вот если Лиза возьмется за Достоевского, тогда да, тогда ее пора эвакуировать!

– В Мюнхен.

– Не поможет. Лучше уж в Амстердам.

– Ага, она там как следует курнет, вспомнит студенческие годы...

– И в таком состоянии снова усядется читать Сэлинджера. Так что бесполезно. Тебе уже ничего не поможет, ты слышишь, бедняга?

– Но я люблю читать перед сном, и, собственно говоря, почему бы не перечитать Сэлинджера, если уж он есть в здешней библиотеке? Не сбивайте меня, ладно? Я хотела сказать вот что. Я его лет пять не открывала, а сейчас вдруг обратила внимание... В ранних рассказах несколько раз возникает Холден Колфилд. То есть о нем там мельком упоминают. В одном рассказе сорок четвертого года появляется его старший брат, тоже Колфилд, только Винсент, и между делом вспоминает Холдена... А потом в рассказе, который был написан в сорок пятом году, главный герой – все тот же Винсент. Так вот, к этому моменту он уже знает, что его братишка Холден пропал без вести... Да, а потом, уже в пятьдесят первом году, вдруг появляется знаменитый роман «Над про-

пастью во ржи», где этот самый пропавший без вести Холден Колфилд – главный герой. Вы понимаете?

– Ну и что? Лиза, деточка, так часто бывает. Многие писатели влюбляются в своих героев, иногда они не могут расстаться с ними всю жизнь, таскают из рассказа в рассказ или из романа в роман, и путаница их не смущает...

– Я знаю, что часто. Но тут не то. Во всяком случае, я не это хотела сказать. Тут совсем другое... – Она смущенно умолкает, а потом говорит так тихо, что я скорее угадываю, чем слышу ее слова: – Неужели не понятно, *куда* он пропал без вести, этот мальчик?

– Ах, вот ты о чем...

– Хочешь сказать, он пропал без вести – из одной книги в другую?

– Ну да. Из одной книги в другую, из одной жизни в другую... На новой картинке есть небольшие отличия, не знаю, наберется ли десять...

Женщины не смеются, но я чувствую, как они улыбаются. Лиза продолжает:

– В новой книге у него другой старший брат. Не писатель Винсент, который погибнет в сорок пятом во Франции, а некий Д. Б., он сценарист в Голливуде, и у него там все о'кей, а ведь Винсент, который появлялся в рассказах, не любил ни Голливуд, ни вообще кино как таковое, он об этом не раз говорил, я еще обратила внимание...

– Деточка, ты зря стараешься. Литературный критик

из тебя все равно не получится, ты слишком искренне любишь книги. Материал, с которым работаешь, нельзя любить: в этом случае он не поддается анализу. Выскальзывает из-под скальпеля да еще и верещит, как умирающий заяц.

– А разве умирающие зайцы?..

– Да, они верещат. Очень страшно кричат, как маленькие дети. Я не знаю, как люди решаются их убивать...

– Вот уж за что следует ввести смертную казнь: за охоту на зайцев. Повсеместно. Это единственное преступление, которому нет оправдания.

– Подождите со своими зайцами, не сбивайте меня. Я не о том. При чем тут критика какая-то? Конечно, я не собираюсь что-то там всерьез исследовать. Тут другое. Когда я поняла, *куда* пропал без вести Холден Колфилд, я подумала: а может быть, мы тоже пропали без вести? В другую книгу... в другую жизнь. Мы сами ничего не заметили, а наши родственники и друзья где-то там, в прежней жизни, бьют тревогу, но мы никогда не узнаем об этом, потому что здесь есть телефон, и всегда можно позвонить домой, и тебе ответит знакомый голос... почти как настоящий.

– Боже мой! – звенит в напряженной тишине хорошо поставленный голос Алисы. – Ты права, детка. Я всегда подозревала, что однажды проснусь не там, где мне положено, – просто по рассеянности!

– А ведь действительно все стало... как-то не так, правда? С тех пор, как мы здесь. Слишком хорошо. И от этого

тревожно, как перед грозой или как будто все время полнолуние. Разве нет? Юста, ты каждый день едешь в Мюнхен. Как он тебе? Настоящий?

– Мюнхен всегда ненастоящий. Это не показатель. Единственный город, в котором невозможно положиться на карту, только на удачу... и еще на таксистов. Каждый мюнхенский таксист очень четко знает, в каком измерении находится место, в которое тебе требуется попасть, и это их неоспоримое достоинство... Вообще-то я не очень верю, что мы *уже* пропали без вести. Но, по-моему, мы вполне можем пропасть. У нас есть шанс затеряться где-нибудь в коридорах. Меня не покидает ощущение, что с этой веранды можно исчезнуть в любой момент. Поэтому здесь так тревожно... и так хорошо.

– Ну вот, спать я сегодня ночью не буду. Вы меня напугали.

– И правильно. Утром поспишь. А ночью надо смотреть на звезды. Их здесь, по-моему, раза в три больше, чем положено...

– Ага. И перед отъездом нас заставят оплатить дополнительные звезды, поштучно, по списку. Как счета за телефон.

– Хм... Могли бы заранее сообщить расценки, я бы еще подумала. Я девушка экономная...

– Ничего, сэкономишь на телефонных звонках. А звезды пусть остаются.

– Ну ладно, уговорили. Хотя... Разве дело в количестве?

– Иногда – да.

Я слушаю их болтовню, и у меня кружится голова. «Пропасть без вести», это надо же! Знали бы они, сколь опасно близко к правильному решению задачи.

О, я уверен, они ничего не знают об этом доме, ничегошеньки (по крайней мере, пока), но их чутье – это нечто! Я и сам наверняка «пропал без вести», переступив порог этого гостеприимного дома. Иногда мне кажется, что я помню, откуда именно я «пропал», а иногда я понимаю, что ни черта не помню, кроме своих бесконечных путаных снов.

Я, знаете ли, просто местный призрак. Впрочем, я не доставляю окружающим никакого беспокойства: у меня нет нелепой потребности завывать во тьме безлунной ночи или, к примеру, драматически греметь цепями. У меня и цепей-то никаких нет. Я просто сижу в кресле, обитом потертым красным плюшем. Увидеть меня, кажется, совершенно невозможно. Но в красное кресло никто никогда не садится: что-то удерживает обитателей этого дома, даже самых непрошибаемых, от попыток занять мое место.

Во всяком случае, именно так обстояли дела, пока на вилле Вальдефокс не появились эти женщины. Про себя я сразу окрестил их «иствикскими ведьмами», благо, то ли в прошлом (которого у меня, возможно, не было), то ли в одном из тягучих снов, заменяющих мне воспоминания, я с удовольствием читал одноименный роман во время поездок



в метро<sup>1</sup>.

Прозвище моим новым знакомым не слишком подходит: книжные-то «иствикские ведьмы», помнится, произвели на меня почти отталкивающее впечатление, а тут такие милые дамы. И все же несколько дней я почти беспричинно отождествлял временных обитательниц виллы с героинями Апдайка: призрак (как всякое одинокое существо) хватается за любой повод блеснуть нечаянной эрудицией<sup>2</sup>.

Что касается самой виллы Вальдефокс, расположенной в получасе неторопливой езды от Мюнхена, официально она считается собственностью городского магистрата. Впрочем, подозреваю, что здешний смотритель, седой баварец по имени Франк, флегматичный и невозмутимый, как породистый сенбернар, в глубине души полагает виллу своей личной собственностью. Я же совершенно точно знаю, что этот трехэтажный дом с большой верандой и изящной башенкой наверху, окруженный запущенным старым садом, принадлежит мне – или я принадлежу ему, какая, к черту, разница?!

---

<sup>1</sup> Некоторые книги можно читать только под землей, но есть и такие, к которым лучше не прикасаться, пока не заберешься повыше. Тут все годится: и балкон на девятом этаже, и крыша двухэтажного особняка, и раскидистое дерево. Очень важно с самого начала угадать, что за книга вам досталась, в противном случае все удовольствие насмарку.

<sup>2</sup> Для призрака я, вероятно, неплохо образован: мне то и дело грезится, будто я увлеченно читаю какие-то тексты, если повезет – захватывающие, иногда – откровенно скучные, изредка начиненные всякими полезными для живых людей знаниями, а порой просто душераздирающие... хотя на самом деле я, конечно, ничего не читаю, а просто дремлю в своем кресле.

Обладание всегда взаимно, и собственность – палка о двух концах, как, впрочем, и рабство...

Но наивные кругло-красно-озабоченно-лицые господа из мюнхенского магистрата даже не подозревают о наших с Франком собственнических амбициях. Франк Хоффмайстер – наемный работник, для которого возможность проживать в маленьком домике у ограды виллы является одновременно и привилегией и обязанностью, оговоренной в контракте, так что с ним все ясно. Что касается меня, вряд ли эти господа способны поверить в мое существование даже после пятнадцатой кружки пива, так что со мной тоже все ясно – в каком-то смысле...

Богатая бездетная дама, которая завещала городу свое владение где-то в середине шестидесятых годов почти истаявшего уже столетия, прятала природную мечтательность под неулыбчивой маской из собственной кожи, нежной и сухой, как крылья бабочки. Она справедливо полагала, что скука – вполне приемлемая плата за благополучие, и больше всего на свете любила засыпать и просыпаться (но не спать и не бодрствовать). Она читала книги, открывая их на середине, откуда ее близорукий левый глаз мог путешествовать в начало наперекор логике и смыслу, а дальнзоркий правый – проторенным путем, к финалу. Состарившись, она вдруг поняла, что боится не смерти, а забвения, и пожелала, чтобы под крышей ее дома собирались писатели, художники и прочие занимательные персонажи – после того,

как он опустеет, разумеется.

Соотечественники всегда казались ей слишком пресными, поэтому она особо оговорила, что гости должны приезжать из разных стран мира. Возвышенное, но убогое воображение подсказывало старой даме, что по вечерам эти удивительные существа (как всякому образованному, но далекому от искусства человеку грядущие гости казались ей немного нелепыми, вдохновенными ангелами) будут встречаться на веранде и беседовать о культуре. Она также надеялась, что благодарные обитатели виллы согласятся извлекать порой из забвения имя ее мертвой хозяйки, хотя бы для того, чтобы удивленно спрашивать друг друга: «Почему, почему же ей взбрело в голову сделать нам столь щедрый подарок?!»

Примерно так и случилось, благо воля завещателя – закон. Вилла Вальдефокс дает временный приют творческим личностям, которые по тем или иным причинам удостоились внимания чиновников из отдела культуры при городском магистрате. Вилла разделена на восемь небольших, но уютных квартирок; следовательно, жильцов в доме обычно тоже восемь: стипендиатам всегда вежливо, но настойчиво рекомендуют воздержаться от поездки в сопровождении членов семьи. Таково пожелание прежней владелицы. Возможно, старая дама была очень мудрой женщиной и считала одиночество великим сокровищем, на поиски которого почти никто не отправляется по доброй воле, а может быть (увы, это боль-

ше похоже на правду), она, как многие старые девы, испытывала смутное отвращение к чужому семейному счастью...

### 3. Кхун Болом

...Чтобы предохранить небеса от докучливости людей, он перерезал мост из ротана, соединявший небо с землей.

Вилла Вальдефокс – своего рода «райский сад», приспособленный к нуждам одухотворенных курортников; усовершенствованный небозаменитель для тех, кого утомила сила земного притяжения. Но воспользоваться этой благодарностью можно лишь ненадолго. Плата за вход – грядущее изгнание, с коим большинству стипендиатов бывает нелегко примириться.

Сюда приезжают на месяц, два, максимум – три, не больше. Потом новые жильцы сменяют прежних, и только мы с Франком (иногда я начинаю опасаться, что старик вполне способен разглядеть в темноте мои неопределенные контуры, а порой мне кажется, что он еще менее реален, чем я сам) остаемся в этом доме. По большому счету, нам обоим просто некуда больше деться: земля нас не носит, а мост, соединяющий землю и небо, разобран на хрустальные кирпичики (те, в свою очередь, истолчены в ступе, сверкающий порошок развеян по ветру, а ветер давно уже утих). Нас с Франком эта невеселая новость тоже касается, так-то.

## 4. Кшитигарбха

В Индии Кшитигарбха изображается сидящим, его правая рука касается земли, а левая держит лотос вместе с древом желаний.

В ту зиму господа из магистрата вдруг решили возвести экономию в добродетель, и после Рождества количество стипендиатов сократилось чуть ли не втрое. Я был им благодарен: пока не станешь призраком, не поймешь, что главный недостаток живых людей – их количество.

Не то чтобы прежние жильцы виллы мне действительно мешали, но в первые дни января я вдруг почувствовал себя – как бы это сказать поточнее? – почти живым. Сны еще не покинули меня, но их разноцветный туман все чаще рассеивался. Иногда мне казалось: еще немного и я смогу покинуть свое уютное кресло. А что, отправлюсь бродить по окрестностям, пугать осмелевших белок, сверять собственные грезы с наличной действительностью. Обманчивые воспоминания об узорчатых лакированных листьях вечнозеленых кустарников, ветхих туманностях прошлогодней травы и влажном гравии узких тропинок, оплетающих холм, преследовали меня столь же неотвязно, как и смутные надежды на грядущее путешествие по саду.

Я стал томиться. Память – неужели именно *память*?! – подсказывала, что это ощущение сродни жажде; мне понадо-

билось немало времени, чтобы понять: я не просто предполагаю возможность прогулки, а *хочу*, чтобы она состоялась.

«Я хочу» — до сих пор словосочетание сие было мне без надобности; дело ограничивалось общим, поверхностным, приблизительным представлением о его смысле. Теперь я на собственном опыте узнал, что такое желание: душевный зуд, телесная смута, бесславное бегство ума из «здесь-и-сейчас» в воображаемое будущее. Морок.

Сладостный, впрочем, морок.

## 5. Кырк Кыз

В мифологии каракалпаков Кырк Кыз – девы-воительницы <...>. Они живут на острове общиной...

В довершение ко всему, я вдруг обнаружил, что обитательницы виллы мне чрезвычайно нравятся. Впрочем, «нравятся» – не совсем удачное слово. Симпатия, которую я испытывал к трем женщинам, чьи звонкие голоса то и дело извлекали меня из-под тяжелой, удушливой перины грез, была сродни детской влюбленности, самой поэтической разновидности этого чувства, не обремененной ни желаниями, ни надеждами, ни планами на будущее.

Я любовался ими, томимый той же бескорыстной сладкой тоской, какую испытывали они сами, когда замирали на веранде, завороченно вглядываясь в призрачные очертания гор на горизонте, и стакан с ненужным больше коктейлем выскальзывал из пальцев. Печальная трель, рождавшаяся в момент соприкосновения тонкого стекла с каменным полом веранды, болезненно отзывалась в моем сердце и кружила голову почище, чем колокольный перезвон в воскресное утро. (Господи, сколько стаканов разбили эти зачарованные принцессы всего за две недели!)

Их было три. Эти женщины отличались друг от друга столь разительно, что избитая метафора «как день и ночь» кажется мне совершенно неуместной. К черту времена су-



ток! Они разнились, как сталактиты, созревающие в темноте подземелий, и северное сияние, которого я никогда не видел; как краткий отчаянный крик испуганного ребенка и медленное погружение в воду горячего источника, бьющего среди иссиня-черных лавовых полей на острове Исландия; как холод рыбьей чешуи и сладкий вкус рассыпчатого свежееспекенного кекса, как...

Стоп, заигрался.

Одним словом, женщины были разными — настолько, что иногда я сомневался, что они принадлежат к одному биологическому виду.

## 6. Кэшот

Наиболее часто воплощается в образе слона или огненно-го пламени.

Самую юную обитательницу виллы звали Лизой. Ей было лет двадцать пять, не больше. Маленькая толстушка, широкобедрая, как изображения ассирийских богинь. Но ее полнота не покоилась на приторно-прочном фундаменте, сложенном из ленивой ненависти к окружающему миру и пристрастия к пирожным, а посему казалась совершенно естественным, неоспоримым достоинством. Лиза была до краев переполнена жизнерадостной внутренней силой, избыток которой требовал вместительного сосуда, поэтому природе поневоле пришлось создать ее толстушкой. Шаровая молния, сгусток тепла, солнечный зайчик с коротко стриженной круглой головой и большими миндалевидными глазами цвета молочного шоколада. В тот день, когда она поселилась на вилле, ртутный столбик уличного термометра резко рванул вверх. До Рождества он преданно облизывал нулевую отметку, но теперь у нас установилось стабильное «плюс 10» – уж я-то отлично знал, кого должны благодарить обитатели близлежащего городка Шёнефинга за столь ранний приход весны!

Лиза с удовольствием прислушивалась к щебету птиц и изливала свою восторженную любовь на соседских собак,

коров, лошадей и прочую домашнюю живность; она пришла в отчаяние, когда от домашних гусей смотрителя Франка осталась неопрятная кучка костей и перьев. «Фукс из леса пришел, обедал, тут зимой всегда много лисиц, которые ищут свой ленч», — старательно коверкая английские слова, объяснял ей старик. (Франк почему-то никогда не говорит с постояльцами по-немецки; даже с теми, кто отлично владеет его родным языком, он предпочитает изъясняться на жуткой смеси всех мыслимых и немыслимых наречий, а в качестве масла, которым он щедро смазывает свои причудливые монологи, используется до неузнаваемости изуродованный английский.) Лиза не пожалела слез, чтобы оплакать грузных серых птиц; она не стала вспоминать, что при жизни покойные обладали убогим авторитарным разумом и склочным характером. На долю каждого погибшего гуся досталось по несколько дюжин теплых слезинок. Но ее взгляд всегда равнодушно скользил по мерцающей чешуе аквариумных рыб; она брезгливо косилась на лягушек и боялась змей: существа с холодной кровью казались ей чужими и, возможно, враждебными.

Лиза была писательницей из Лиссабона, начинающей, но, очевидно, успешной. Из бесконечных разговоров, которые не стихали по вечерам на веранде, я узнал, что стипендию мюнхенского магистрата для Лизы выхлопотал ее немецкий издатель. Чего я никак не мог себе представить, так это Лизу, часами неподвижно сидящую над клавиатурой. Она и за зав-

траком-то никак не могла дожидаться окончания трапезы: забирала свою чашку с остывающим кофе и отправлялась в сад или убегала в свою комнату на последнем этаже, чтобы через две минуты вернуться назад, сообщить какую-нибудь пустяковую новость своим чинно жующим подругам и снова исчезнуть; ступеньки деревянной лестницы, привыкшей к степенным пожилым жильцам, каковых здесь до сих пор было подавляющее большинство, сварливо скрипели под ее крепкими резвыми ножками.

Но факт остается фактом: это непоседливое, как трехлетний деревенский карапуз, существо каким-то образом умудрилось начать и благополучно завершить как минимум одну книгу (в противном случае, совершенно непонятно, что же собирался издавать седой усатый двойник Дон Кихота, владелец книжного дома «Фрайман», которого я видел один-единственный раз, когда он собственноручно доставил на виллу маленькое чудо природы по имени Лиза).

# Л

## 7. Ламия

Так как Гера лишила ее сна, она бродит по ночам. Сжалившийся над ней Зевс даровал ей возможность вынимать свои глаза, чтобы заснуть, и лишь тогда она безвредна.

Вторую женщину звали Юстасия. Она была фотографом из Праги. Я бы не взялся определить ее возраст. Порой мне казалось, что она совсем недавно закончила школу, а иногда – что ей около сорока. В этой женщине вообще не было ничего определенного; не только ее возраст, но даже пол временами вызывал сомнения. Когда она впервые появилась в холле, я принял ее за мальчика: высокая, худая, в мужской жокейской кепке с наушниками, в новеньких голубых джинсах, потертой куртке из тонкой коричневой кожи и тяжелых ботинках, с большим рюкзаком за спиной, она была похожа на белобрысого немецкого подростка – очень типичного! Я даже решил поначалу, что этот мальчик живет в поселке и подрабатывает, доставляя багаж гостей от железнодорожной станции, расположенной в пятнадцати минутах ходьбы от виллы, у подножья холма. Что ж, выходит, призраки тоже способны приходить к неверным заключениям...

Уже через час Юстасия вышла к чаю в жемчужно-серой

шелковой блузке и черной юбке до пят, тщательно причесанная, с легким, почти незаметным макияжем и манерами светской львицы.

Очаровывать здесь было решительно некого; впрочем, я здорово сомневался, что она вообще способна кокетничать: Юстасия была амазонкой, Минервой, валькирией, но уж никак не одной из обольстительных дочерей Венеры. А прихорашивалась она исключительно для собственного удовольствия и еще «дабы не погрязнуть в свинстве» — по ее же выражению.

Юстасия считала до десяти, пропуская число «четыре», потому что еще в раннем детстве четверка внезапно оказалась ей опасной — до такой степени, что она начинала отчаянно реветь, когда ей доставались сразу четыре конфеты. А повзрослев, Юстасия узнала, что в японском языке один и тот же иероглиф соответствует числу «четыре» и слову «смерть». «Черт, так я все-таки угадала!» — с мрачным торжеством Кассандры отметила она. С этого момента вся ее жизнь была подчинена одной-единственной цели: ускользнуть от смерти, пока это возможно, и даже некоторое время после того, как к восхитительному слову «возможно» прибавится коротенькая, полная отчаяния приставка «не».

К сверкающему объективу своего фотоаппарата Юстасия относилась с суеверной почтительностью дикаря: когда ей исполнилось двадцать девять лет, она заметила, что люди, чьи портреты ей удались, на этом свете подолгу не удержи-

ваются. С тех пор она снимала только в моргах и на бойнях. Это принесло ей скандальную славу, неплохие деньги и некое подобие душевного покоя, — а большее ей все равно не светило.

Она не чуралась лжи, охотно прощала ее другим и снисходительно позволяла себе, справедливо полагая, что ложь делает жизнь зыбкой, как самодельные мостки над текущей водой, и увлекательной, как прогулка по этим мосткам, а правда иногда становится булавкой, на которой трепещет неосторожная бабочка.

Как все люди, вынужденные разглядывать окружающий мир из своего зарешеченного окна, вместо того чтобы прогуливаться под чужими окнами, Юстасия обладала даром смешить других, но сама смеялась редко. Ее смех вибрировал в диапазоне от густого бархата до пронзительного визгливого звона, и сумрачное тяжеловатое лицо в эти мгновения преобразалось до неузнаваемости. «Есть вещи, которые я люблю, есть вещи, которые я ненавижу, и иногда они меняются местами», — как-то сказала она, и тогда я понял, что эта женщина весит меньше, чем мои сны...

## 8. Лейкпья

...Когда Лейкпья улетает, знахари стараются ее поймать, предлагая ей дары.

Алиса, искусствовед из Лондона, была самой старшей в этой компании. Ее кудри уже серебрились сединой, но у нее хватало достоинства и здравого смысла не прятать глубокие морщины под толстым слоем грима: Алиса демонстративно презирала декоративную косметику. Она умела наслаждаться звучанием слова «безнадежно» и одевалась с непринужденной небрежностью молодой девушки. Ее короткие юбки, похожие одна на другую, как красные кленовые листья, открывали изумленному миру потрясающей красоты ноги.

Алиса жила в ладу со своим именем. Я легко мог представить ее в качестве участницы «безумного чаепития» или «королевского крикета»: вечная блуждающая улыбка свидетельствовала о том, что Алиса вполне способна – не намеренно, а исключительно по рассеянности! – оказаться в Зазеркалье, на мгновение приняв гладкую поверхность зеркала за дверь, ведущую в столовую.

Она была погружена в себя – не в свои мысли, мечты или воспоминания, а именно в себя, и существовал только один способ выманить ее из этого убежища, схожего не с каменным панцирем черепахи, а с хрупкой и неброской раковинной улитки: разбудить ее любопытство, дружелюбное



и требовательное, как у ребенка. Мир должен оставаться забавным и разнообразным, если хочет, чтобы Алиса поддерживала с ним дипломатические отношения, — вот так-то.

Ее походка была легкой, как у привидения, она любила забираться в кресло с ногами, сбрасывая туфли, о которых вскоре забывала, и уходила в свою комнату босиком. Так что маленькая Лиза, в первый же день взявшая под опеку всех своих новых подружек, то и дело вприпрыжку мчалась через холл, размахивая черными лодочками Алисы, и громогласно сообщала этому неземному существу, что бродить по дому в одних чулках в середине января не следует.

Алиса знала, что пустые обещания пахнут пылью, как тряпье в шкафу умирающего старика, и умела безошибочно распознавать этот тлетворный аромат. Она любила неодушевленные предметы больше, чем ненадежные подвижные порождения органической материи. Радовалась мелким подаркам: нефритовой пуговице, глиняному кувшинчику, крошечной стеклянной фигурке зебры, но оставалась равнодушной к букетам живых цветов. Шумно изумлялась, что белые ягоды на жестких оголенных ветвях кустарника почти столь же прекрасны, как холодные опаловые бусины. Украдкой гладила старинные каменные перила террасы и равнодушно отворачивалась, когда замороженные ее безразличием белки спускались на нижние ветви деревьев, настороженно поблескивая влажными искорками глаз.

Ее очарование было неотразимо и тревожило разум,

как клубы дыма от костра, разведенного в конце долгих зимних сумерек на заброшенном пустыре.

## 9. Лиса

Широко распространены истории о превращении лисы в человека. <...> В китайской и японской традициях рассказы о лисе обнаруживают совпадения с европейскими историями о суккубах, инкубах, роковых невестах и т. п.

Никаких иных жильцов на вилле не было. Но в хрониках тех смутных январских дней фигурирует еще одно действующее лицо.

Франк говорил правду: «фукс» действительно приходил из леса. Вернее, приходила. Лиса была именно лисой, а не лисом: под густым мехом цвета красной охры билось женское сердце, и все прочие лисьи потроха находились в полном соответствии с требованиями женской природы.

Другое дело, что к исчезновению наших гусей рыжая ласутчица не имела решительно никакого отношения. Не в поисках пищи слонялась она по саду. Эта лиса вообще не слишком интересовалась пропитанием. Поесть она могла и наяву.

Да, именно.

Одни люди спят и видят сны; с другими же сны *случаются*. Становятся *происшествиями*, настолько достоверными, что, при желании, всегда можно отыскать свидетелей собственных ночных походов. С нашей гостьей именно так и обстояло: когда ей снился сон, что она превратилась в лису, ее рыжий хвост мелькал среди деревьев.

Итак, пища лисе не требовалась. Куда больше ее занимала моя персона. По ночам рыженькая подкрадывалась к веранде, толкала лапкой застекленную дверь – вотще. Дверь всегда оказывалась запертой. За этим следил Франк: старик ежевечерне совершал обход дома, погромыхая связкой медных и оловянных ключей. На первый взгляд, его возня походила на ритуал, предназначенный для развлечения заскучавших жильцов, однако Франк свое дело знал. Ни единой лазейки не оставлял он незванным ночным гостям.

Вот и лисичка моя сердито поскуливала на пороге. Я откуда-то знал, что она пришла именно ко мне, но впустить ее не мог: манипуляции с дверными замками были мне в ту пору не под силу, я и кресло-то свое покинуть не умел, даже о возможности такой не догадывался.

Лисичка уходила, разочарованно твякнув напоследок; я же прикрывал подслеповатые глаза прозрачными веками и размышлял о таинственной цели ее визита. Упивался надеждой, что, дескать, однажды бдительный старик забудет запереть стеклянную дверь, и чудесный зверек проскользнет на веранду, юркнет в холл, забьется под мое кресло, а то и на колени вспрыгнет, превратится в прекрасную незнакомку, как это у них, лис да барсуков, заведено, и тогда я наконец узнаю, что за дело ей до меня, невесомого и почти несуществующего...

Пока я мечтал, лисичка требовательно царапала коготками дверь флигеля, где обитал Франк. Не добившись успеха,

вспрыгивала на подоконник и умильно взидала на старика медово-желтыми очами. Всерьез полагала, будто ее лукавое очарование подействует на нашего строгого ключника и он наконец впустит ее в дом. Франк же лишь посмеивался в седые усы, да вертел связку ключей на смуглом морщинистом пальце – дразнился.

– Что ж ты пешком пришла? – спрашивал насмешливо. – Прилетай, тогда и поговорим.

Это был удар ниже пояса. Она и сама предпочла бы видеть сны о том, как превращается в птицу. Но такие видения пока обходили стороной ее изголовье.

## 10. Лопамудра

...не найдя достойной его женщины, он создает девочку необычайной красоты и ума по имени Лопамудра (от lora, «потеря», и mudra, «знак красоты»), заимствуя у каждого живого существа лучшее, что в нем есть.

Убедившись, что проникнуть в дом ей не по силам, лиса устраивалась в густом кустарнике, выбирая местечко поближе к веранде. Сворачивалась клубочком. Слушала болтовню женщин. Покусывала кончик собственного хвоста от досады, что не может присоединиться к их беседе. Незнакомки казались ей почти сестричками, все трое. Лиса (*женщина, которой снилось, что она превратилась в лису*) то и дело узнавала в них себя. Словно была мозаикой, составленной из фрагментов их настроений, поступков, реплик, жестов и поворотов головы. Лисе хотелось прильнуть к их ногам, потереться, приластиться, чтобы скрепить телесным прикосновением смутное, неосязаемое душевное родство. Но в этих снах о доме с башенкой на вершине холма ее желания не имели никакого значения...

Пробуждаясь, она всякий раз разочарованно вздыхает: опять ничего не получилось. Но губы тут же складываются в мечтательную улыбку: не сегодня, значит потом, чуть позже. Когда-нибудь. Предначертанное всегда исполняется, поэтому нужно лишь подождать. Закрывать глаза и сосчитать

до ста, как в детстве, когда хотелось ворваться в комнату, где родители наряжали новогоднюю елку: перечисление порядковых номеров от единицы до сотни было чем-то вроде входного билета и немного скрашивало ожидание. Совсем чуть-чуть.

## 11. Лу Бань

...когда Лу Баню минуло сорок лет, он удалился в горы Лишань и изучал секреты магии.

– А мне у Сэлинджера больше всех нравился другой рассказ, – доносится до меня тихий голос Алисы. – Там парочка уединилась в постели, и тут мужчине звонит муж любовницы, долго и сбивчиво жалуется на жену, которая уже давно его не любит, вот и сейчас, дескать, куда-то исчезла после вечеринки. Тот его утешает, говорит: «Не беспокойся, выпей, ложись спать, она наверняка уехала с друзьями пропустить по стаканчику и скоро объявится». Рогатый муж кое-как успокаивается и прощается, любовники принимают-ся смущенно обсуждать ситуацию, а через несколько минут телефон звонит снова. Это опять муж женщины, он с облегчением сообщает, что *она вернулась*. И все. Представляете?! Я потом еще долго надеялась: а вдруг какая-нибудь добрая душа уже «вернулась» домой вместо меня, и, значит, мне... – она осеклась и умолкла.

– И, значит, *тебе* возвращаться необязательно, – в тишине голос Юстасии звучит, как приговор.

– Ну да, – задумчиво соглашается Алиса. – Лучшее, что может сделать женщина за сорок – исчезнуть, оставив вместо себя мало-мальски пристойного двойника... Только ничего не получалось. Я всегда приходила домой, и никого



похожего на меня там не обнаруживалось.

Они еще какое-то время щебечут на веранде, их голоса убаюкивают меня, и я снова погружаюсь в зыбкую разноцветную реальность обманчивых воспоминаний о жизни какого-то смешного мальчика по имени Макс. Пока я сплю, подразумевается, что я – это он и есть...

## 12. Лха

В тибетской мифологии божества, обитающие в небе. <...> Лха бытия возник в результате взаимодействия двух цветов – желтого мужского и голубого женского.

На сей раз пробуждение сопровождалось весьма интенсивными ощущениями – не сказал бы, что они показались мне приятными. Зато я сразу понял, на что это похоже.

Однажды очень давно (или этого вовсе не было?), когда я учился в десятом, кажется, классе средней школы (надо же, какие интересные подробности!), я всерьез разругался с родителями и временно поселился у своей старшей сестры. Ее пятилетние близнецы, мои, стало быть, племянники, обожали по утрам забираться ко мне в кровать и щекотать меня, пока я не проснусь. Этакий беспощадный «биологический будильник». Так вот, мои теперешние ощущения здорово смахивали на те, давно забытые. Только ни постели, ни одеялу с подушкой не нашлось места в моей странной жизни: я снова сидел в красном кресле, к которому так привык, что считал его почти неотъемлемой частью своего зыбкого тела.

Разумеется, никаких племянников поблизости не обнаружилось, и вообще никого не было рядом – ни в просторном холле виллы Вальдефокс, ни в общей столовой, ни на веранде, ни в темном коридоре, ведущем на кухню. Ничего уди-

вительного: стояла глухая ночь, самое тихое время, когда неугомонные полуночники уже отправляются спать, а «жаворонки», привыкшие вставать задолго до позднего зимнего рассвета, досматривают свои сновидения, второпях, как последние страницы каталога дешевого универмага, которому суждена медленная и мучительная гибель в помойном ведре.

Щекотка тем не менее была самой настоящей. Я-то, грешным делом, уже забыл (или никогда не знал?), сколь интенсивные ощущения приходится испытывать живым людям, поэтому поначалу совершенно очумел – нечто в таком роде могло бы случиться разве что с мумией египетского фараона, если бы на беднягу вдруг обрушился приступ зубной боли. Шок, впрочем, прошел довольно быстро, но к тому моменту во мне уже произошли некие таинственные необратимые изменения.

Начать с того, что я вдруг испытал непреодолимое желание потянуться, размять затекшие конечности и чуть не заорал от удовольствия, когда сладко захрустели все мои суставы. Секунду спустя я понял, что не просто как следует потянулся, а выпрямился во весь рост, встал на ноги, так что овеществившаяся наконец задница тут же утратила возможность соприкасаться с красной обивкой кресла. Это было восхитительно – как любая перемена участи; в то же время я испугался так, что в глазах потемнело. Страх сам по себе тоже был новым ощущением: свежим, волнующим и, что уж скрывать, по-своему приятным, хвала адреналину!

Стоило мне покинуть кресло, и волна удивительных перемен захлестнула – то ли меня, то ли темный холл виллы, а вместе с ним и весь остальной мир. Я быстро выяснил, что темнота теперь обладает свойством скрывать от меня очертания предметов – прежде, пока я сидел в кресле, у меня не возникало подобных проблем, я отчетливо видел каждую паутинку в самом дальнем углу под потолком. А когда я зажмурился, меня окружила вовсе уж непроницаемая темнота – и так, оказывается, бывает! Я сжал руки в кулаки, потом разжал, изумляясь тому, какая дивная симфония разнообразных физических ощущений сопровождает сие незамысловатое действо.

Но проклятая щекотка – то, что я поначалу считал щекоткой – не давала мне сосредоточиться на упоительных экспериментах. Теперь этот своеобразный зуд больше походил на страстное желание сделать что-то весьма конкретное... но вот что именно?

По истечении нескольких мучительных мгновений я вдруг понял, что должен покинуть холл и подняться наверх по лестнице. Я еще не знал, куда именно мне следует попасть, и уж тем более – зачем; но был совершенно уверен, что пойму это по дороге. В любом случае я не мог оставаться на месте. Щекотка уже извлекла меня из кресла и теперь гнала вверх по лестнице, пролет за пролетом. На бегу я вдруг подумал, что нечто похожее, наверное, испытывают сказочные джинны, когда очередной повелитель начинает неисто-

во тереть медный бок старой лампы, и громко рассмеялся – не потому, что мое открытие действительно было таким уж смешным, а просто от переизбытка сил, которые надо было как-то расходовать.

Я миновал три этажа, на которых располагались жилые помещения. Над последним этажом были надстроены своего рода антресоли, заставленные книжными полками. Я взобрался туда по узенькой деревянной лестнице, такой шаткой и скрипучей, словно чиновники мюнхенского магистрата устроили здесь своего рода ловушку для любопытствующих гостей и теперь с нетерпением ждали, когда же какая-нибудь неосторожная полужнаменитость свернет себе шею и будет погребена под обломками рухнувшего сооружения. Но я несколькими длинными прыжками преодолел шаткие ступеньки и с восторгом ученого, совершившего эпохальное открытие, замер перед низенькой белой дверцей. Тело расслабилось в предвкушении последнего рывка к неизвестной пока, но, безусловно, единственно важной в тот момент цели. Я твердо знал, что за этой дверью меня ждет... какая разница, что именно?! Что-то. Ждет. Меня. Надо же!

Дверь не была заперта на замок – впрочем, не думаю, что меня бы это остановило. Переступив порог, я оказался в полной темноте, левая рука инстинктивно начала шарить по стене и сразу же наткнулась на выключатель. Где-то очень высоко вспыхнула тусклая лампочка, и я увидел, что стою перед очередной лестницей. На сей раз лестница оказалась

узкой, закрученной причудливой спиралью, с толстыми корабельными канатами вместо перил. Преодолев сорок две изогнутые ступеньки, я оказался в маленькой комнате, освещенной бледным пламенем одной-единственной свечи.

Когда я вошел, все окна в комнате с грохотом распахнулись, стекла жалобно задребезжали, и порыв ветра чуть не сбил меня с ног, но я устоял. Свеча тут же погасла, я услышал, как катятся по деревянному полу какие-то мелкие предметы, а потом раздалось одно-единственное звонкое «Ой!», произнесенное женским голосом – хорошо знакомым мне голосом, к слову сказать. Обитательницы виллы Вальдефокс были здесь, вся троица, но пискнула только Алиса.

– Это просто сквозняк, – наконец сказала Юстасия. Ее голос звучал не слишком уверенно и не столь спокойно, как ей наверняка хотелось бы. Она взяла свечу, чиркнула зажигалкой, и теплый оранжевый свет снова озарил помещение.

– А это тоже сквозняк? – нервно рассмеялась Лиза, тыча в меня пухленьким указательным пальчиком.

– Это не сквозняк, а посторонний мужчина, – тоном школьной учительницы объяснила Алиса.

– Смотритель? – неуверенно предположила Лиза.

– Нет, Франк другой. Он же старенький совсем, – возразила Юстасия. – Неужели ты забыла, как он выглядит? – И требовательно спросила меня: – Вы кто? Только не вздумайте сказать, что вы местный маньяк-убийца. Мы тут и сами... те еще маньячки! – и она неожиданно расхохоталась, закрыв

лицо руками.

— Возможно, вы будете разочарованы, но я действительно не маньяк, — вежливо сказал я, удивляясь тому, как странно, оказывается, звучит мой голос. — И даже не посторонний мужчина. Кажется, я здешний призрак. Хотя я уже сам ни в чем не уверен...

Ветер тем временем утих, но не прекратился вовсе, а при-  
таился в углах, словно решил некоторое время посидеть спо-  
койно, посмотреть, как сложатся у нас дела, а уж потом про-  
должать свою веселую, но разрушительную игру с хрупкими  
оконными стеклами.

— Вы не можете быть призраком. — Алиса старалась быть  
рассудительной. — Призраки бесплотны, а вы...

— А я — что? А, ну да... — я недоверчиво осмотрел свое те-  
ло (прежде мне было не до того) и с удовольствием убедился,  
что оно весьма похоже на настоящее. Впрочем, осмотр был  
пустой формальностью: разительная перемена моих ощуще-  
ний являлась наилучшим доказательством вернувшейся те-  
лесности.

— Как вы все-таки попали на виллу? И зачем?

— Понятия не имею, — честно сказал я. — Сколько себя пом-  
ню, я всегда сидел в красном кресле в холле...

— Никто там не сидел, — нерешительно возразила Лиза. —  
Во всяком случае, с тех пор как я приехала, я ни разу не ви-  
дела, чтобы кто-то...

— Перестань, детка, — вмешалась Алиса. — И вы все тоже

перестаньте молоть ерунду. Девочки, вспомните, о чем мы сегодня говорили! Почему невозможно заставить себя сесть в это проклятое кресло и все такое... И чем мы занимались, когда...

Я вдруг понял, чем именно они тут занимались, зачем им понадобилось среди ночи забираться под самую крышу, в башенку – единственное по-настоящему необитаемое помещение в доме. И почему они сидели при свече, и что за доска, наспех исчерченная буквами, лежит на полу...

– Спорю на что угодно: вы затеяли спиритический сеанс! Поздравляю вас с его успешным завершением, дорогие мои медиумы. Очевидно, я и есть ваша законная добыча.

– Но мы даже не успели начать. Мы только взялись за руки...

Все четыре окна захлопнулись с душераздирающим треском – оставалось удивляться, что стекла уцелели. Ночной ветер с торопливой настойчивостью слепого ощупал наши лица и свернулся клубком у меня в ногах. Он выжидал.

– О господи! – несчастным голосом сказала Лиза. – Честно говоря, я думала, что будет весело...

– А тебе что, скучно? – с характерным нервным смешком спросила Юстасия.

– Обхохочешься...

Я подумал, что надо бы немного разрядить обстановку. По всему выходило, что мое появление совершенно нехотят, за кого бы меня ни принимали. Если подружки решат,



будто я – просто посторонний мужчина... о'кей, тогда смотри длинный список закономерных рабочих гипотез: от ма-  
ньяка-убийцы до тривиального квартирного воришки, и вы-  
бирай, какой пункт тебе по душе, бедняга! Порядочные лю-  
ди крайне редко приходят в гости к прекрасным незнаком-  
кам в четыре часа утра.

Если же дамы все-таки великодушно примут на веру тео-  
рию о моей, так сказать, мистической сущности... Люди,  
как правило, боятся призраков, даже взбалмошные барыш-  
ни, коротающие досуг за спиритическими сеансами. Если  
разобраться, начинающие адепты столоверчения боятся при-  
зраков куда больше, чем среднеарифметический рядовой  
гражданин, порожденный химерами статистических выкла-  
док. Смутная вера у них уже есть, а опыт, законный отец  
невозмутимости, еще отсутствует.

Я улыбнулся женщинам, стараясь вложить в эту улыбку  
все неизрасходованные запасы дружелюбия и нежности –  
единственное, что я мог противопоставить их насторожен-  
ной взвинченности. Потом медленно подошел к одному  
из окон – тому, что выходило на юг, где линия горизонта  
взрывалась белыми брызгами далеких Альп, заснеженные  
вершины которых ежевечерне поливают прозрачным сиро-  
пом лунного света, и открыл его, неторопливо и осторожно:  
грохот и звон, которые, судя по всему, весьма по вкусу вет-  
ру, не способствуют созданию теплой доверительной атмо-  
сферы.

– Не надо открывать окно. Такой сквозняк...

– Это был не сквозняк, а ветер, – мягко возразил я. – он начнет дуть, когда захочет, окна тут ни при чем... Сегодня волшебная ночь, правда?

– Правда, – эхом повторила Алиса. Немного помолчала и спросила, испытующе заглядывая в глаза: – А ты действительно призрак?

– Ага, – подтвердил я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и обыденно. – И вы сами это знаете. По крайней мере, чувствуете, что так оно и есть. А чему и доверять, если не собственным ощущениям – разве нет? В каждом из нас живет маленький мудрец, который всегда знает, что к чему, но ему почти никогда не дают высказаться... Так что все правда. По крайней мере, еще полчаса назад я действительно был призраком. Сидел в красном кресле в холле, дремал, а иногда просыпался и наблюдал за жильцами. В последнее время – за вами. Не сердитесь: не так уж много развлечений у призраков... Разумеется, я не знаю, чем вы занимались, когда отправлялись в свои комнаты, или уходили на прогулку. Только пока вы сидели в столовой, на веранде или проходили через холл... Замечу, что ваша беседа о Сэлинджере произвела на меня совершенно неизгладимое впечатление. Прежде я как-то не задумывался о том, *куда* пропал без вести первый Холден Колфилд...

– Подождите, – остановила меня Юстасия. – Вы читали Сэлинджера? Призраки читают книги? Вот это новость!

– Все не так просто. Большую часть времени я дремал, сидя в этом самом кресле, и мне снились сны. Разные сны. В некоторых снах я был настоящим живым человеком и жил довольно обычной жизнью: ел, гулял, зарабатывал деньги, веселился с друзьями, влюблялся, ходил в кино... И разумеется, читал книги. Очень много книг. Мне, знаете ли, снилось, что я – заядлый читатель... Если честно, я не уверен, что это были просто сны. Возможно – воспоминания. Как бы то ни было, моя память хранит информацию о том, что я читал Сэлинджера. А откуда взялись эти воспоминания, тут уж мне не разобраться... – Я с наслаждением вдохнул ароматный ночной воздух и улыбнулся: – Вы представить себе не можете, какое это удовольствие: быть живым человеком! Столько интересных ощущений... Взять хотя бы этот запах – господи, я уже забыл, для каких изощренных наслаждений создан человеческий нос!

– Что ж, тебе, в отличие от нас, есть, с чем сравнивать, – примирительно сказала Алиса. Мне с самого начала показалось, что уж кто-кто, а она относится к моим словам с полным доверием.

«Она старше всех и дольше всех жила в ожидании чуда, – подумал я. – Когда тебе пятьдесят, а никаких чудес в твоей жизни еще не было и вроде бы не предвидится, ожидание становится требовательным и неистовым, и разум готов в любую минуту уйти, обиженно хлопнув дверью... Так что она заранее была согласна поверить во что угодно, в том чис-

ле и в призрака, явившегося в разгар спиритического сеанса, – почему нет? Что ж, иногда доверчивость может оказать-ся мудростью – если очень повезет...»

– Что это? – вдруг спросила Лиза. Она сделала шаг в сторону окна и остановилась, не решаясь приблизиться ко мне на расстояние вытянутой руки. – Там кто-то поет?

– Где? – переполошилась Алиса. Юстасия замерла, прислушиваясь.

Я тоже напряг слух: до сих пор я был так увлечен разговором, что на другие вещи моего внимания попросту не хватало. Где-то очень далеко – на другом берегу озера Шёнзее, или в лесу, за полями для гольфа, или на небе – звучали негромкие высокие, но не женские и не детские, скорее уж бесполое, голоса. Они выводили какую-то очень простую, но чарующую и смутно знакомую мелодию – я не мог толком разобрать ее рисунок, слишком уж издалека она доносилась.

– Где-то я слышала эту песню. Но... Нет, не помню!

– Некоторые вещи кажутся знакомыми – не потому, что действительно встречались нам прежде, а потому, что... не знаю, как сформулировать... Наверное, они просто совпадают с ритмом, в котором стучит твое сердце, – сиплым, прерывающимся голосом сказала Юстасия. А потом заплакала – тихо и с каким-то странным наслаждением, не прогоняя с губ улыбку. Так плачут только очень счастливые люди – счастливые настолько, что традиционные способы изъ-явления чувств им уже не подходят.

– Так должны петь ангелы. – Алиса тоненько хихикнула, очевидно собственные слова показались ей слишком нелепыми, чтобы оставаться серьезной. – Маленькие белые пупсики с золотыми крылышками на верхушке рождественской елки...

И тогда снова подул ветер, но на сей раз он не стал бить стекла и грохотать оконными рамами. Он был нежен и предупредителен: убрал в сторону упавшую на глаза серебристую прядь Алисы, высушил мокрые ресницы Юстасии, ласково обернул яркий шарфик вокруг шеи Лизы. А потом добрался до меня и – я мог поклясться чем угодно! – затаился в моем рукаве до поры до времени...

## 13. Лэй-Цзу

Лэй-Цзу изображали с третьим глазом на лбу, из которого лился поток света.

– А с какой стати вам взбрело в голову вызывать духов? – спросил я, когда ветер утих. – Просто так? Или вы догадались, что на вилле... – я запнулся, поскольку не знал, как определить собственное присутствие в этом доме, и за неимением лучшей формулировки добавил: – Вы поняли, что здесь *что-то* водится?

– Нет. Наверное, все-таки нет. – Алиса хмурила брови, пытаясь сформулировать ответ. – Правда, меня одолевали странные предчувствия всякий раз, когда я проходила мимо твоего кресла, но они надо мной смеялись, – укоризненный взгляд на подружек.

– Кресло, однако, мы предпочитали обходить стороной, – покаялась Лиза. И смущенно спросила: – А можно тебя потрогать? – Она быстро оттаяла и теперь светилась от любопытства.

– Трогай! – рассмеялся я, протягивая ей руки. – Сколько угодно!

Она действительно прикоснулась к моему запястью и с видимым разочарованием сообщила остальным:

– Настоящий.

– Ага, – подтвердил я. – *Уже* настоящий. Не знаю, как вам

это удалось, но... Так почему все-таки вы решили вызывать духов?

– Сложно сказать. Ну, по большому счету, мы просто развлекались...

– Довольно странное развлечение, – заметил я. – Не самое подходящее занятие для умных деловых женщин с высшим образованием. Вот если бы вы были юными фермерскими дочками или, скажем, пожилыми индианками...

– Индейками! – вдруг некстати развеселилась Юстасия, которая до сих пор поглядывала на меня исподлобья, с явным недоверием, словно прикидывала, сколько серебряных ложек и кошельков может поместиться в моих карманах.

Я невольно последовал за ее настороженным взглядом: до сих пор я так и не дал себе труда понять, во что одет. Ничего особенного на мне не оказалось: ни тебе длинного сверкающего балахона до пят, ни тебе залатанной средневековой рясы со следами засохшей крови, ни даже каких-нибудь заваливающих вериг. Всего-то обмундирования: тупоносые замшевые ботинки, умеренно пижонская жилетка из толстой свиной кожи, синие джинсы не первой молодости и еще более древний свитер ручной вязки. Вероятно, он был рожден белым, но с тех пор многое переменилось.

– Я сама хочу понять, с какой стати нас угораздило... – теперь Юстасия добросовестно пыталась ответить на мой вопрос. – В последнее время у нас – у всех! – было очень странное настроение. Если ты действительно был призраком

и слушал нашу болтовню, ты и сам мог заметить...

— Когда вы говорили, что с этой веранды можно пропасть в любой момент? И что именно поэтому в доме так тревожно и в то же время хорошо, как никогда еще не было, да?

— Да, и это тоже... Как раз сегодня вечером мы уже разошлись по своим комнатам, но никто не мог заснуть. Я зашла к Алисе, через пять минут к нам постучалась Лиза. Мы решили было вернуться на веранду и выпить еще по коктейлю... А когда мы собрались вместе, стало ясно, что очередной коктейль под звездным небом — слишком банально. Хотелось чего-то необычного. И поскольку ни у кого из нас не нашлось мази, замешанной на белладонне, чтобы немедленно отправиться на Лысую Гору...

— В конце концов мы поднялись сюда, в башенку, — подхватила Алиса, — благо это единственное мало-мальски зловещее место в доме! А поднявшись, вдруг решили попробовать вызвать духов. Дух лорда Байрона или, к примеру, короля Людовика Баварского, раз уж нас занесло в его излюбленные места... Все равно кого, лишь бы вызвать. И спросить у них, что с нами происходит и что нам следует делать дальше. Видишь ли, мы все трое, не сговариваясь, вдруг поняли — вернее, почувствовали! — что вернуться домой и продолжать жить как ни в чем не бывало... Это будет просто ужасно! Все равно что продать бессмертную душу и тут же пропить деньги... Да знаю я, знаю, что говорю глупости. Не знаю только почему. Мне трудно объяснить...



– Самое дурацкое в этой истории, что никто из нас понятия не имел, как именно следует вызывать духов, – буркнула Юстасия. – Только Алиса занималась этим, когда-то очень давно, еще в школе...

– То есть лет триста назад, – усмехнулась Алиса.

– А я слушала рассказы своей старшей сестры. Когда она училась в колледже, они там часто устраивали спиритические сеансы, – вмешалась Лиза. Немного помолчала и добавила: – Только я всегда была уверена, что она врет!

– Наверняка она привирала, – заверила ее Юстасия. – Знаю я, как это бывает: сама такая...

– Посмотрите, – вдруг воскликнула Алиса. Костяшки ее пальцев бились о стекло, как ночные бабочки, заплутавшие в лабиринте человеческого жилища, а голос изготовился сорваться на визг. – Посмотрите в окно! Там... Там совсем другая ночь. Там теперь все *иначе*!

Наша беззаботная болтовня умерла мгновенно, без мучений – просто оборвалась, как лопнувшая струна. Я прижался лбом к холодному стеклу. Женщины окружили меня, они стояли так близко, что я слышал взволнованный перестук их сердец. Темнота за окном действительно изменилась. Она больше не была уютной темнотой сада, ночной покой которого очерчен размытым кругом голубого света далеких огней. Теперь нас окружал лес или огромный запущенный парк, и его тьма была рыжевато-зеленой, как пучок только что извлеченных из воды морских водорослей. Не оста-

лось ни ограды, ни фонарей у подножия холма, ни леденцовых точек светящихся окон в городке за озером. Лишь диковинная зеленоватая луна кое-как освещала незнакомый пейзаж, приглядевшись к которому, я понял еще кое-что: совсем недавно мы находились высоко над землей, в башенке, над крышей большого старинного дома, а сейчас густая трава (откуда взялась такая свежая трава в январе?) росла на расстоянии всего-то полутора метров от подоконника.

– Действительно, совсем другая ночь, – подтвердила Юстасия. Ее сердце почти остановилось, голос угасал, как ветер в июле, а глаза, напротив, разгорались пугающим пламенем, таким же зеленым, как свет незнакомой луны, и еще более холодным.

– Эта ночь родилась из нашего бормотания, мы приворожили ее, и теперь она будет всегда, – вдруг торопливо зашептала Алиса. – Если бы не было нас, не было бы и ее. Женщины делятся на тех, кто может родить человека; тех, кто может родить чудовище; и тех, кто не может породить ничего, кроме ночи. Первые обычно исполняют свое предназначение и уходят туда, откуда пришли, спокойные и опустошенные; вторые редко решаются принять такую судьбу и тонут в омуте собственных снов, а в существование третьих не верит никто, даже они сами. Но это не имеет никакого значения: ночь все равно рождается, когда приходит ее время...

Никто не удивился ее словам. Их приняли как должное, не придавая, впрочем, особого значения: не до того было.

Ветер, до поры до времени притаившийся в моем рукаве, выбрался наружу, и оконные стекла с восхищенным звоном, прозвучавшим как вздох облегчения, наполнили темноту сияющими брызгами осколков. Никто не поранился, лишь моя щека дернулась от одного-единственного внезапного ожога, я прижал к ней ладонь и невольно улыбнулся, обнаружив, что по пальцам стекает самая настоящая кровь, теплая, ярко-алая, солоноватая таинственная влага. Алиса первой вскочила на подоконник, глаза ее были прикрыты почти прозрачными веками, тонкие руки изгибались на ветру, как ивовые ветви, и в какое-то мгновение мне показалось, что она собирается танцевать, но она просто спрыгнула вниз, и густая трава бережно приняла ее невесомое тело.

– Идемте, – нетерпеливо сказала она нам, – чего вы ждете? – и торопливо зашагала в темноту, не дожидаясь своих подружек, даже не оборачиваясь. Только сейчас я заметил, что у этой женщины забавная подпрыгивающая походка, грациозная и нелепая, как у болотной птицы.

– Что происходит? – спросила меня Лиза после того, как алая юбка Алисы и светлые волосы Юстасии превратились в два смутных пятна, поспешно сливающихся с мраком новой ночи, – так тусклые разноцветные кляксы, последние следы недавнего света, медленно растворяются в темноте под закрытыми веками.

Храброе сердце Лизы требовало, чтобы хозяйка немедленно отправилась вслед за подругами, но ее круглые ка-

рие глаза блестели от слез, а рот мучительно приоткрылся, как у ребенка, задыхающегося под тяжким бременем ночного кошмара.

– Не бойся, это окно выходит на юг. Поэтому все будет хорошо.

Я и сам не знал, откуда взял сие нелепое утверждение, но тогда оно почему-то казалось мне единственным стоящим аргументом. Я помог ей взобраться на подоконник: для маленькой Лизы он был расположен слишком уж высоко над полом. А услышав, как шуршит под ее крепкими ножками густая трава, я, не раздумывая, последовал за женщинами, поскольку оставаться на вилле больше не имело никакого смысла.

## 14. Лю Хай

Лю Хай притворялся безумным <...>, пел и плясал.

Франк Хоффмайстер обошел пустой дом, старательно шаркая ногами: по его глубокому убеждению, именно такая походка приличествовала старику. Вообще-то ломать комедию уже не было нужды, но Франк предпочитал не выходить из роли: осторожность превыше всего. Время от времени он останавливался на пороге одной из опустевших комнат и с равнодушным любопытством разглядывал брошенные хозяйками вещи: повисшие на спинках стульев яркие блузки Лизы, несколько пар обуви, дисциплинированно выстроившиеся у двери Юстасии, неаккуратные стопки книг на полу спальни Алисы и дорожные чеки, разбросанные по полированной поверхности ее письменного стола. Удовлетворенно кивал, осторожно запирал дверь и неторопливо брел дальше, ступенька за ступенькой, все выше и выше, пока не добрался до низенькой белой дверцы, за которой не было ничего, кроме узкой винтовой лестницы с толстыми корабельными канатами вместо перил. Его руке не пришлось шарить по стене в поисках выключателя: Франк предусмотрительно захватил с собой длинную стеариновую свечу – белую с причудливым выпуклым узором, похожим на декоративные грозди синего винограда. Возни со спичками не предвиделось: свеча вспыхнула совершенно самостоятельно, как только нога

в растоптанном домашнем башмаке нависла над первой ступенькой.

Через минуту Хоффмайстер уже был в башенке, к неудовольствию многочисленных паучков, которые только-только начали успокаиваться после недавнего вторжения шумных чужаков. Впрочем, с присутствием Франка маленькие трудолюбивые ткачи тут же смирились. В их кругу у старика была в высшей степени безупречная репутация: он никогда не рвал паутину и уж тем более не мог нечаянно ее поджечь: само понятие «нечаянно», подразумевающее некие случайные, неосознанные действия, было ему неведомо.

– Ишь ты, кружным путем пошли, через парк! – снисходительно усмехнулся старик, выглянув в одно из четырех окон – то самое, которое выходило на юг.

Что именно побудило его произнести эти слова – совершеннейшая загадка. За этим окном, как и за прочими, царила густая душистая тьма, сотканная из медленно ползущих свинцовых туч на лиловом небе и клубящейся сумятицы древесных зарослей далеко внизу.

Так или иначе, но Франк покинул башенку в приподнятом настроении, мурлыча под нос некий смутный, тягучий мотивчик и даже приплясывая. В сочетании с благообразной бюргерской внешностью и почтенным возрастом зрелище получилось нелепое, чтобы не сказать безумное. Франк отлично знал, как выглядит со стороны его сутулое туловище, грузно подпрыгивающее на худых ногах, и был доволен.

Время от времени нужно позволять себе небольшое отступление от правил, это взбадривает и освежает не хуже точечного массажа. Да и повод для веселья у него сегодня имелся. Всем поводам повод!

Он спустился вниз и тут же отправился на кухню. Его удивительная свеча уже погасла, поэтому Франк включил свет, обшарил полки, похрустел свертками, внимательно прочитал инструкцию на пакете с полуфабрикатом, задумчиво покивал, приготовил смесь, не отступая от инструкции, залил ее в форму и поставил в микроволновую печь. Некоторое время Франк сосредоточенно возился с кофейной машиной, а потом принялся готовить чай. Он рассудил, что сегодня не следует довольствоваться аккуратными бумажными пакетиками для заварки. День выдался совершенно особенный, можно сказать, торжественный, так что чай должен быть настоящим, крепким и душистым. Процесс приготовления хорошего чая немного похож на ворожбу, да и сам Франк был весьма эффектен, когда его седая голова склонилась над пузатым чайником из прозрачного стекла, а худые смуглые руки отмеряли чайные листья, скрученные в тугие хрупкие рулончики. Франк считал, что грешно пользоваться ложкой, когда имеешь дело с чаем высшего сорта, и доверял лишь собственным чутким пальцам. Разумеется, такую вольность он мог себе позволить, только если рядом не крутились какие-нибудь блюстители гигиены, всегда готовые брезгливо поджать губы и воскликнуть: «Как?! Брать

чай руками?! Ужас!» Но сейчас выдался исключительно благоприятный случай: Франк остался единственным обитателем виллы Вальдефокс, а посему мог творить все, что вздумается.

Колдуя над чайником, он тихо бормотал что-то неразборчиво-ритмичное, смутно похожее на заклинание, но если бы некий любопытствующий невидимка прислушался к шепоту, он разобрал бы слова, знакомые каждой хорошей хозяйке: «По ложечке на каждого, и одну – для чайника». Если предположить, что «ложечке» из знаменитой присказки в данном случае соответствовала щепотка, выходит, что Франк приготовил чай на четыре персоны.

Кофейная машина тем временем приветливо зафыркала, по кухне утренним туманом пополз дивный аромат свежего кофе. Потом требовательно звякнула микроволновая печь. Франк был рад удостовериться, что коржи удались: чего-чего, а вот пирогов он до сих пор не пек ни разу. Разлив чай и кофе в большие термосы, дизайн которых вполне достоверно имитировал внешний вид настоящих чайника и кофейника, он извлек из буфета банку клубничного конфитюра, тщательно намазал густую рубиновую массу на еще теплый корж, накрыл его другим, более тонким, сверху уложил аппетитные свежие ягоды, которые нашлись в холодильнике, а потом долго и старательно заливал готовый пирог взбитыми сливками из баллончика. Результат кропотливого труда он отнес в столовую и установил точно в центре большого



стола. Расставил на белой льняной скатерти чашки и блюда, принес термосы с чаем и кофе; откуда-то появились сахарница, молочник и даже тарелочка с тонко нарезанным лимоном.

— Завтрак готов, — громко сказал Франк, отступив от стола на несколько шагов и удовлетворенно созерцая дело своих рук. — Завтрак для детишек, которые никогда не вернутся домой... Но если им когда-нибудь приснится, что они все-таки вернулись домой, завтрак будет их ждать, так что добро пожаловать!

Он усмехнулся, одобрительно покачал головой и вышел в сад.

За хлопотами старик не заметил, как наступило утро. Оранжевые кляксы пасмурного рассвета усеяли восточный горизонт, словно некое неаккуратное божество расплескало свою порцию апельсинового сока. Франк был голоден и рассудил, что прежде чем отправляться в путь, следует подкрепиться. Он прислонился спиной к старому вязу, воздел руки к небу и застыл в этой позе, неподвижный, как некая садовая скульптура. Через несколько минут с дерева спустилась белка. Села на его плечо и недоуменно зацокала, словно спрашивая себя о причинах столь неблагоразумного поступка. Франк протянул руку и осторожно взял затрепетавшего от ужаса зверька, а спустя несколько секунд его острые зубы впились в дрожащее горлышко белки. Покончив с завтраком, он выкопал под корнями вяза неглубокую ямку, спрятал

там линиялую серую шкурку и хрупкие косточки своей жертвы, аккуратно засыпал их землей, прикрыл склизким клочком слипшейся прошлогодней листвы и зашагал к маленькому домику в глубине сада, на ходу тщательно вытирая рот клетчатым носовым платком. Вообще-то Франк с удовольствием оставил бы белок в покое, но его древнее тело наотрез отказывалось принимать пищу, которая в изобилии продается в супермаркетах и на рынках. Оно требовало свежайшего мяса и теплой крови: Франк мог есть лишь живую, судорожно сжимающуюся от последнего смертного ужаса, плоть. Обычно он покупал себе гусей или кур у окрестных фермеров, чтобы не причинять ущерба лесному зверью, которому искренне симпатизировал, но его сарай для домашней птицы опустел еще позавчера, а времени на поездку к ближайшей ферме не оставалось. «Пора уходить, – думал Франк, – теперь уж точно пора!»

Через полчаса седой старик в неприметной охотничьей куртке цвета хаки закрыл за собой парадные ворота виллы Вальдефокс, немного повозился, прилаживая навесной замок, три раза повернул длинный серебристый ключ, аккуратно извлек его из замочной скважины. В этот момент на его седые кудри упала первая снежинка. Ключ старик проглотил с подчеркнутой невозмутимостью бывалого фокусника, хотя рядом не было ни одного зрителя, даже вездесущие вороны и воробьи куда-то подевались: печальное происшествие с белкой вынудило всю местную живность поспешно эваку-

ироваться на другой берег озера, от греха подальше.

Франк неторопливо пошел по Высокой улице. Миновал несколько по-зимнему пустых двухэтажных строений – виллу Вальдефокс окружали не дома местных жителей, а летние владения мюнхенских богачей, охочих до игры в гольф, – и свернул направо, в ароматные заросли вечнозеленых кустов, скрывающих почти незаметный стороннему глазу переулочек. Собственно говоря, это был не переулочек в привычном смысле слова, а узкая каменная лестница, с обеих сторон окруженная заборами, за которыми прятались летние домики, укрытые сиротливыми лоскутными одеяльцами по-зимнему заброшенных садов. Таблички на заборах свидетельствовали, что лестница обладает статусом полноценной городской улицы под гордыми именем «Himmelich Leiter» – «Небесная лестница» или «Лестница в небо» – кому как больше нравится. Однако по иронии судьбы путь Франка лежал не вверх, к небу, а вниз: с вершины холма к озеру. Снег тем временем становился все гуще. Снежинки утратили свою нежную индивидуальность, слиплись в крупные влажные хлопья, и вскоре силуэт Франка Хоффмайстера окончательно затерялся в их белой сумятице, так что неизвестно, добрался ли он до самой первой ступеньки «Небесной лестницы».

# М

## 15. Манабозо

Совершив все подвиги, Манабозо уединился на далеком острове на востоке...

Зато доподлинно известно, что через несколько дней в маленьком книжном магазинчике Шульца и Бормана на юго-восточной окраине Берлина появился новый продавец.

Владелец магазина, Шульц и Борман в одном лице (он был единственным наследником тощего угрюмого сына того самого Бормана и веселой рыжеволосой дочери того самого Шульца, которые в незапамятные времена решили заняться книготорговлей), полагал, что ему повезло: новый работник, обаятельный интеллигентный юноша, кажется даже с университетским образованием, согласился работать за почти смешную плату. Веский аргумент в его пользу, если учесть, что дела в магазине Шульца и Бормана шли неважно, причем не только в последнее время, а с момента основания.

Впрочем, у нового продавца оказалась легкая рука. Через неделю потомок Шульцев и Борманов с удовольствием заметил, что возле прилавка постоянно крутятся покупатели, вполне уже подготовленные к великому переходу в разряд постоянных клиентов. Они млели и только что не мурлыка-

ли, когда не по годам серьезный блондин вежливо говорил им: «Добрый день, рад видеть вас в нашем магазине. Меня зовут Франк. Франк Хоффмайстер. Я, знаете ли, что-то вроде поводыря в этом царстве прекрасной неизвестности. Могу ли я предложить свою скромную помощь?»

За словами непременно следовал почти театральный жест, намертво приковывавший внимание клиента к полкам за спиной продавца. Под «прекрасной неизвестностью», само собой, разумелась литература. Владелец магазина считал данное определение высокопарным и безвкусным, как сказки Гофмана, которые с детства терпеть не мог. Но приходилось признать, что на покупателей оно действует самым благоприятным образом, особенно на женщин. Да, на женщин – особенно...

«Надо будет увеличить его жалование, – растроганно думал Шульц-Борман. – Не сейчас, конечно. Через полгода. Или, скажем, через год... Посмотрим, как пойдут дела».

До повышения жалования, впрочем, не дошло: через десять месяцев Франк Хоффмайстер куда-то исчез, оставив владельцу магазина длинную записку с многословными извинениями, нескольких неприкаянных лунатиков из числа постоянных клиентов – тех, что восприняли отъезд Франка как личную трагедию и теперь часами бродили среди книжных полок, словно надеялись отыскать там самую подробную в мире адресную книгу, в которую уже занесены новые координаты их любимца, – и еще драгоценную репутацию луч-

шего книжного магазина в этой части города, хотя многочисленные новые посетители никак не могли понять: в чем, собственно, заключаются его достоинства?

## 16. Мбомбианда

Мбомбианда невидим, как и души, которые попадают к нему...

Мы шли по парку, озаренному лишь зеленоватым ломтиком луны, ярким, как воспоминание о приступе лихорадки. И хотелось бы лукаво объявить, будто «мы блуждали там целую вечность», но нет: время, кажется, текло как обычно, и наша прогулка длилась несколько вполне заурядных часов, не более того, никак не...

А вот с сезонными явлениями творилось что-то неладное: зеленые кроны лиственных деревьев были пышны и свежи как в начале лета; впрочем, попадались и белые облака вишневого цвета, и алые кляксы осенних кленов, и кусты ежевики, спелой, как в августе. И почему-то шел снег. Его мелкие хлопья, невесомые и теплые, как взбитые сливки, иногда таяли, соприкасаясь с землей, а иногда оседали на сочной зеленой траве, и даже на рукаве моего свитера поселилось несколько таких живучих снежинок.

Мы не разговаривали вовсе, да и говорить было не о чем: пока длилась прогулка по парку, мы отлично понимали, что с нами случилось, и, кажется, знали даже, к чему это приведет. Знание, впрочем, не выстраивалось в словесную последовательность, не поддавалось осмыслению (близорукый разум, дальнзоркое сердце – обычное дело), но мы

и не слишком старались расшифровать птичий язык предчувствий: будь что будет, лишь бы было хоть что-то!

Снежные хлопья между тем становились все гуще и прозрачнее. Какое-то время спустя, я заметил, что никакого снега уже нет... и вообще почти ничего нет: мы блуждаем в тумане, густом, тяжелом и зыбком, как старческий разум. Три руки одновременно потянулись ко мне: Алиса церемонно прикоснулась к локтю, Лиза по-детски требовательно завладела ладонью, а Юстасия мертвой хваткой вцепилась в плечо.

Кажется, они тоже знали, что происходит: теперь мы окончательно перестали быть частью видимого мира. От гигантского мозаичного панно откололось несколько крошечных кусочков, из необъятного гобелена выдернули четыре коротенькие ниточки; при этом общая картина совершенно не пострадала. Разве что самый зоркий из тружеников-демиургов мог бы, пожалуй, случайно обнаружить новоявленный дефект, но уж никак не сторонний наблюдатель. Он, сторонний наблюдатель, и бровью не повел бы: что за дело ему до столь незначительных перемен?

Однако...

Нас больше не было – по крайней мере, *там*, где мы *привыкли быть*.

Это открытие вселяло в моих спутниц ужас и восторг: исчезнув окончательно и бесповоротно; почти добровольно, но и по принуждению могущественных обстоятельств вы-



черкнув себя из списка *действующих лиц*, они вдруг выяснили, что *исчезнуть* – вовсе не обязательно означает *утрачивать себя*. И это была хорошая новость.

Достаточно хорошая, чтобы вскружить голову.

Для меня же наша прогулка оказалась чредой удивительных приобретений. С каждым шагом я обрастал биографическими подробностями, воспоминаниями (память казалась мне тогда особой разновидностью телесности, чем-то вроде дополнительной мышечной прослойки между кожей и остовом) и даже, кажется, неким подобием человеческой судьбы.

Судьба эта, строго говоря, все еще не могла считаться моим достоянием. Но я ощущал себя чем-то вроде законного наследника. Завещатель пока жив, приговор врачей неоднозначен, однако необходимые бумаги заполнены, подписаны и надежно спрятаны в несгораемый сейф. Под такие гарантии можно начинать жить на широкую ногу, в долг, ибо всегда найдутся кредиторы, с оптимизмом глядящие в завтрашний день.

Мои спутницы внезапно утратили прошлое, я же лишь изговаривался вступить во владение этим сомнительным сокровищем; так или иначе, но все мы испытывали скорее растерянность, чем страх или восторг. Потоптавшись на месте, мы переглянулись и решительно зашагали дальше: невозможно заблудиться, если не знаешь, куда идешь. А мы шли не «куда-то» а в «когда-нибудь», шаг за шагом приближались к тому мгновению, когда туман начнет оседать на зем-

лю крупными хлопьями, не влажными, а сухими, легкими и теплыми как пепел.

## 17. Ме

В шумерской мифологии могущественные божественные таинственные силы, управляющие миром <...>. Считалось, что силами Ме могли обладать города и храмы.

Когда туман рассеялся, все, разумеется, было готово. Город предстал перед нами; если первое впечатление и есть самое верное, то наш Город был ни чем иным как тенью, вернее, букетом причудливых теней, темных силуэтов на склоне горы, четко прорисованных на фоне светлеющего, уже почти бирюзового неба.

Несколько секунд спустя появились и подробности, тысячи мелких деталей, из которых, собственно, и складывается картина всякого мира; разглядеть же ее полностью не удастся, пожалуй, никому: каждый снимает сливки по своему вкусу. И порой, слушая рассказы нескольких человек, побывавших в одном и том же месте, можно решить, будто они бродили по разным городам.

Мне бросилось в глаза странное сочетание приземистых массивных зданий и хрупких, почти игрушечных башенок, и еще дом из белого кирпича на самом краю Города, на его островерхой крыше крутился флюгер в форме попугая, хотя ветра, кажется, не было. Лиза говорила о причудливой постройке, сложенной из зеленоватых камней, и теплом оранжевом свете в одном из ее окон. Юстасия утвер-

ждала, что прозрачные утренние облака над городом на какое-то мгновение в точности повторили очертания городских крыш. Алиса же клялась, что слышала музыку, едва различимую, неразборчивую, но почти наверняка танцевальную мелодию и подумала, что где-нибудь на окраине заканчивается затянувшаяся вечеринка...

– Этот город – твоя выдумка? – требовательно спросила Алиса.

Я пожал плечами: ее вопрос смутил меня и встревожил, мне не хотелось говорить на эту тему.

– Твоя, твоя, – поддержала ее Юстасия. – Сначала ты сам обзавелся телом, а теперь твои выдумки обретают плоть. – И строго, как школьная учительница, спросила: – А ты добрый волшебник?

– Я ленивый, – губы сам расплзлись в смущенной улыбке. – Значит, скорее добрый, чем злой. Злым быть хлопотно...

– Это правда, – удивленный смешок.

– ...но вряд ли это моя выдумка, – решительно закончил я. – Я так недавно стал живым, что еще не успел ничего выдумать.

– Ну... – она нахмурилась, – давно, недавно... наверное, это не имеет значения. Может быть, тебе еще предстоит выдумать этот город когда-нибудь потом. Кроме линейной последовательности событий, должны быть и какие-нибудь другие, правда?

– Мы пойдем туда? – нетерпеливо спросила Лиза.

– А что, есть варианты? – ухмыльнулась Юстасия. – Вернуться на виллу? Не думаю, что это возможно. Да и не нужно... хотя там, конечно, осталась моя любимая губная помада. Единственный тон, который мне действительно к лицу... Ну да что уж теперь!

...А потом все смешалось, словно азартный игрок заскукал над длинным пасьянсом и перетасовал карточную колоду, чтобы заняться новой игрой.

Мы не то чтобы *вошли* в Город – скорее, обнаружили, что уже давно тут живем. Даже не так: *мы всегда тут были*. Возможно, именно поэтому я не помню, как мы отыскали дом, пригодный для комфортной совместной жизни нескольких разнополых призраков, как устраивались на первый ночлег, как обживались, знакомились с соседями и уясняли основные правила поведения в местном обществе. Ничего в таком роде, вероятно, и не было: колесо судьбы не просто повернулось, а вовсе слетело с оси, оторвалось от некой непостижимой метафизической телеги, пустилось вскачь по склону холма и плюхнулось в тихий омут, где, как известно, обитают существа с непростым характером и нелегкой судьбой.

Охромевшая телега, возможно, завалилась набок или просто сгинула все в том же омуте, но мы уцелели.

И решили, что это хорошо.

## 18. Мидгард

Буквально «среднее отгороженное пространство». В скандинавской мифологии «средняя», обитаемая человеком часть мира на земле.

В эту ночь мой двойник (о существовании которого я в ту пору не подозревал, но в то же время всегда *знал* без тени сомнения) так и не сомкнул глаз.

Стоял у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу. Наблюдал, как один за другим гаснут лиловые блуждающие огоньки фонарей и леденцово-желтые прямоугольники окон в длинной девятиэтажке на противоположной стороне улицы. С ужасом и восторгом следил, как растворяются во тьме знакомые очертания предметов: медленно, неохотно, как кусочки сахара в перенасыщенном сиропе. Ждал, что будет дальше.

И дождался-таки.

Новые разноцветные огоньки, немногочисленные, но яркие, один за другим вспыхивали на склоне горы, которой, разумеется, никогда не было на этой улице. Какие уж горы на северо-восточной окраине Москвы, в пропахшем соснами, запорошенном снегом, экологически чистом, кефирном, кисломолочном, диетическом пейзаже Бабушкина?! Правильно, никаких гор. Пятиэтажные хрущобы да их унылые конкуренты, блочные высотки. Зелень и бензоколонки

по вкусу. Подавать охлажденным с октября по апрель, так-то...

Он ни на мгновение не терял из виду координаты, описывающие местонахождение его собственного твердого (какого же еще?!) тела во времени и пространстве: Москва, Бабушкино, Янтарный проезд, двадцать девятое января тысяча девятьсот девяносто седьмого года, Вселенная за номером... Впрочем, удачно пошутить насчет «номера» не получалось. Не то настроение. Зима. Бессонница. И никакого тебе Гомера, никаких парусов. Лишь склон горы, весь в разноцветных огнях. Волшебный город, лучший из снов, любимый, сладостный, навязчивый бред. Он полагал, будто одно прикосновение босой ступни к тамошним мостовым навсегда исцелило бы его от нескладной человеческой судьбы, избавило бы от участи прямоходящего млекопитающего склепа, во тьме которого заживо погребен – кто?

Действительно, *кто?*

О Господи.

Мой двойник предпочитал не вспоминать, что когда-то знал ответ на сей опасный вопрос. Зачарованно смотрел на открывшийся его взору нездешний пейзаж. Сознательно приподнимался на цыпочки, дабы свести к минимуму телесный контакт с земной твердью. Улыбался, по-детски приоткрыв рот, не замечал, что глаза уже давно на мокром месте, лишь досадовал, что зрение столь внезапно упало; ду-

мал: если уж даже наваждения начинают дрожать и двоиться, значит, визит к окулисту лучше бы не откладывать... а, не один ли черт?!

Один, разумеется. Вальяжный, упитанный, словно со страниц сборника карикатур сошедший чертик.

Наконец нервы не выдержали. Руки моего двойника, не дожидаясь хозяйской команды, затеребили тугую задвижку. Преодолев первое препятствие, он потянул на себя примерзшую створку окна. Борьба была долгой; не обошлось без жертв. Угол ставни разлетелся в щепки, ноготь на среднем пальце левой руки превратился в кровавое месиво, ладони заалели царапинами: одна шла параллельно линии судьбы, другая накрест перечеркнула линию жизни. Опытный хиромант, пожалуй, призадумался бы, но мой двойник отличался ослиным упрямством: он не успокоился, пока не распахнул окно настежь и...

Ну да, ну да. Все это лишь для того, чтобы убедиться, что под окном белеет сугроб, небрежно исполненная миниатюрная копия пирамиды Хеопса, чуть поодаль дремлет под снегом кривая сосна, по улице едет какой-то заблудший автобус, девятиэтажка стоит на положенном месте, и даже несколько окон ее все еще мерцают бледным голубым светом, что, несомненно, свидетельствует об исправной работе телевизионных аппаратов.

Он мрачно ухмыльнулся, осматривая искаленные руки.



Отправился в ванную, взял с полки пузырек с перекисью водорода, ватный тампон, бинт. Сосредоточенно морщась, обработал раны, кое-как перевязал пальцы, помогая себе зубами и даже коленом. Погасил свет. Вернулся в комнату. Закурил. Сделав несколько затяжек, выбросил сигарету в сугроб и осторожно закрыл окно. Лег навзничь на узкий диван, с головой накрылся клетчатым пледом. И лишь тогда из груди его вырвался наконец сдавленный вой. Звук получился тихий, зато совершенно нечеловеческий; соседи, что жили снизу, сверху и справа не проснулись, но дружно застонали во сне, квартира же слева, по счастью, пустовала.

«Это кричал не я, – удивлено подумал человек под пледом. – Я *так* не умею, это не мой голос. И потом, я уже давно научился терпеть... Что ж, если я – очередная свинья, одержимая демоном, то демон сей, безусловно, несчастнейшее из существ».

## 19. Мом

В греческой мифологии божество злословия.

– Макс, утром я была на рынке... – Алиса сопровождала свое сообщение столь драматической интонацией, словно посетила, как минимум, публичную казнь.

– Угу, трудно было не заметить, – благодушно подтвердил я, демонстративно поглаживая живот. – Мой тебе совет: повтори этот подвиг, и чем скорее, тем лучше. Я, видишь ли, как раз дегустировал твои покупки... Виноград, кстати, оказался кислым, а боххи, наоборот, переспелыми. Пришлось все это съесть, чтобы вы не мучились. Так что с тебя причитается... и не только с тебя. По моим подсчетам, я спас как минимум три человеческих жизни. А может быть, и больше: за вашими ночными гостями не уследишь...

– Спаситель ты наш! Спорю на что угодно: ты ведь даже не помыл фрукты перед тем, как отправить их в свою ненасытную утробу!

– Не помыл, – каюсь. И тут же нахожу достойное оправдание: – Микробы – очень калорийная штука, а я у нас худой...

– Нет здесь никаких микробов. Ты ври да не завирайся. И вообще, ты будешь меня слушать или нет?

– А у меня есть выбор?

– Еще чего не хватало! – невозмутимо отрезала она. – Макс, на рынке убили человека. Он выбирал вино, и торго-

вещь всего на несколько секунд отвернулся, чтобы нацедить стаканчик ему на пробу. Протягивает стакан, а покупатель уже лежит на земле, и рядом никого.

– Погоди-ка. Ты хочешь сказать, что этот человек действительно *умер*? И сейчас на базарной площади лежит труп, мертвое человеческое тело?

– Что там происходит сейчас, я не знаю, – сухо ответила Алиса (она терпеть не может, когда ее перебивают). – Пока я была на рынке, мертвое человеческое тело там действительно лежало, можешь быть уверен. Собственно, никто не мешает тебе пойти и посмотреть. Это кресло, насколько мне известно, не намазано ни медом, ни клеем.

– Да, действительно, – соглашаюсь, не без сожаления покидая вышеозначенный шедевр мебельного искусства. – Пойдешь со мной? Показывать дорогу, держать меня за руку, подносить нюхательную соль, когда я побледнею, зашатаюсь и схвачусь за колонну...

– Нюхательную соль? – развеселилась Алиса. – Что за дрянь такая?

– Понятия не имею. Но в романах ее всегда суют под нос барышням, которым стало дурно. И не только барышням...

– А почему тебе должно стать дурно? – осторожно поинтересовалась Алиса. – Неужели ты боишься вида крови? Никогда бы не подумала.

– При чем тут вид крови? – я рассеянно бродил по холлу в поисках своей любимой куртки. – Все гораздо хуже:

это мертвое тело сводит на нет мою концепцию тутошнего мироустройства. Помнишь, какая у меня была уютная, аккуратная концепция? Твоя история про мертвеца на рынке камня на камне от нее не оставляет. Пока я понимаю сей факт лишь умозрительно, поэтому все в порядке. Как только я своими глазами увижу труп, мое личное небо обрушится на мою личную землю. Потому что концепция мира – это в каком-то смысле и есть мир, если ты понимаешь, о чем я...

– Глупости, – отрезала Алиса. – Мир – это мир, а концепция – это всего лишь концепция. Пошли уж, философ-любитель!

– Любитель и есть, зато практик, – огрызаюсь. – А этим мало кто может похвастаться.

## 20. Мухаммад

Мухаммад – обыкновенный смертный человек; он не учен, и от него не следует требовать чудес; он только «предостерегатель» и «вестник», «светильник освещающий»...

*Литератор X был вынужден убить своего героя Y, поскольку решил расстаться с издателем Z, обладающим правами на «игрековский» сериал. Подобные производственные драмы на сцене нашего развивающегося книжного рынка пока редки, но это – всего лишь вопрос времени.*

*Принцип, впрочем, понятен: жизнь литературного персонажа недорого стоит.*

*«Добрый доктор» сэр Артур Конан Дойл, поражавший друзей-приятелей своей незлобивостью, хладнокровно прикончил беднягу Шерлока Холмса просто потому, что тот ему наскучил. Он решил, что две повести и двадцать три детективных рассказа о сыщике – более чем достаточно для «исторического романиста», каковым сам сэр Артур искренне себя полагал. «Конфликт» с издателями в его случае носил совершенно комический характер: Конан Дойл требовал непомерных гонораров, надеясь, что издатели убоятся разорения и откажутся от желания публиковать новые истории о Холмсе, а упрямыцы, вздыхая, выворачивали карманы. Пришлось пойти на убийство.*

Холмс, впрочем, вскоре воскрес (благодаря не столько требованиям возмущенной публики, сколько собственной почти мистической незаменимости: выяснилось, что не только читатели, но и сам автор не может без него обойтись). Но, как и воскрешение Остапа Бендера, это уже совсем другая история.

Ильф и Петров переложили ответственность за участь сына турецкоподданного на призрачные плечи фатума: «В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой были изображены череп и две куриные косточки. Вынул череп – и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой».

Полагается считать эту историю забавной; я же прочитал ее в детстве (возможно, слишком рано) и испугался. Судьба с тех пор неизбежно ассоциируется у меня с очень конкретной, почти осязаемой, а потому особенно безжалостной ильфопетровской сахарницей. Писатели, конечно, поступили остроумно, но для меня их сахарница – лишнее подтверждение того факта, что...

...жизнь литературного персонажа недорого стоит, да.

Резюме.

Кто-то пишет книгу о наших похождениях. Будем надеяться, что мы ему еще не слишком надоели, а отношения этого таинственного незнакомца и его еще более таинственного «издателя» пока складываются благополучно. Впрочем, не следует забывать о сахарнице...

*...Есть, впрочем, еще один мизерный шанс: как вы помните, и Холмс и Бендер оказались незаменимыми — чем черт не шутит? В конце концов, «на свете смерти нет».*

Макс поставил точку. На мгновение задумался и снова застучал по клавишам. Через несколько секунд на свет родился душераздирающий заголовок: «Мы убиваем, нас убивают». Чему он действительно научился за последние полгода, так это давать эффектные названия своим книжным рецензиям. Строго говоря, они и рецензиями-то не были — так, «записки у изголовья», но пока на такую писанину существовал спрос, можно было не терзать организм всяческими строгостями, а просто получать удовольствие от процесса появления букв на экране монитора.

Довольный собой, он отправился на кухню, по традиции (но не питая особых надежд) выглянул в окно, убедился, что пейзаж за окном не претерпел желанных трансформаций, затем открыл холодильник и некоторое время с легким отвращением созерцал безыскусные натюрморты на полках — вот уж воистину «бедное искусство»... Arte Povera, блин! В очередной раз (кажется, шестой за сегодняшний день) был вынужден признать, что есть не хочется. Почти машинально поставил на плиту маленькую джезву, открыл кран, чтобы наполнить ее водой, замер, заслушавшись звонким журчанием струи.

Шум проточной воды всегда оказывал на него почти

гипнотическое воздействие; полчаса у водопада или даже у обычного городского фонтана в его случае были тождественны порции легкого психотропного средства. Открытие это он совершил еще в детстве, с годами же способность впадать в транс от шума воды лишь усугубилась. Повезло с организмом, ничего не скажешь!

Сейчас, однако, все обстояло иначе: почти сразу его словно бы накрыло непроницаемым войлочным колпаком темноты. Макс изумленно понял, что способность осознавать происходящее покидает его стремительно и необратимо, но не испугался, а глупо обрадовался, что еще не включил плиту, а значит, никакого пожара не будет.

«Однако у моего „автора“ начались неприятности с издателем», – вот что он успел подумать в последнее мгновение.

Факт сей, к слову сказать, позволяет предположить, что был он при жизни пижоном, каких поискать...



## 21. Мытарства

Пространственная зона этих испытаний – между небом и землей <...> на границе миров...

Дешевое, но веселящее сердце ситцевое великолепие городского рынка – отличное лекарство от скверных новостей. Всякий раз, оказываясь тут солнечным утром, я начинаю почти всерьез подумывать, что пора бы разделить с Алисой привилегию делать покупки. Впрочем, мне не светит: проще лишить престола английскую королеву, чем Алису – священного права распоряжаться легкими квадратными монетками из голубого металла, которые каждое утро обнаруживаются на дне большой плетеной корзины для покупок. Она с упоением играет в рачительную хозяйку, без которой все домоладцы, по ее утверждению, «давно бы начали питаться придорожной травой».

– А почему ты никогда не покупаешь цветы? – спрашиваю, кивая в сторону цветочных рядов. – Всегда был уверен, что женщины ходят на рынок исключительно для того, чтобы как следует порыться в этой пахучей роскоши. Я ошибался?

– Наверное... Нет... Не знаю. Стыдно сказать, Макс, но, кажется, я... экономлю. И не потому, что мне жалко денег, которые невеста откуда берутся и неизвестно когда закончатся. Просто по привычке.

– Избавляйся от нее немедленно. А не то на рынок начну

ходить я. Что мы будем есть, подумать страшно. Скорее всего, придется обходиться уксусом и оливковым маслом: очень уж мне нравится посуда, в которой их продают. Зато в доме будет полно цветов. Подозреваю, гораздо больше, чем это необходимо: ты же знаешь, обычно я не умею вовремя остановиться...

– Не надо, я исправлюсь, – изобразив на лице неподдельный ужас, пообещала Алиса. Ухватила меня за рукав и быстро-быстро засеменила мимо прилавков, уставленных гранеными стеклянными бутылочками с ароматным уксусом и крошечными шкатулками с приправами.

Под ногами у покупателей крутилась большая собака с короткой рыжеватой шерстью и волчьим хвостом. Она не лаяла, а тихонько поскуливала, вопросительно заглядывая всем в глаза, – одним словом, вела себя так, словно потеряла хозяина. Влекомый неукротимой Алисой, я не успел обойти пса стороной, толкнул его коленом и машинально извинился, как если бы имел дело с человеком: «Прости, дружище!» Собака обрадовалась вниманию и тут же увязалась за нами, не предпринимая более попыток наладить контакт с прочими двуногими. «Если не отстанет, придется ее покормить, – обреченно подумал я. – А то и в дом взять. Впрочем, зверь вроде симпатичный... Ладно, там видно будет!»

Наконец мы свернули в тупичок, где под разноцветными навесами в окружении деревянных бочек и керамических кувшинов восседают немногочисленные городские виноде-

лы, важные и величавые, как римские сенаторы. Идиллию на сей раз изрядно портил труп, рыжеволосый, худой мужчина в белой куртке (судя по непрезентабельному виду, скорее домашней, чем выходной) и – подумать только! – голубых джинсах. Эта подробность меня сразу насторожила: до сих пор я полагал себя единственным обладателем блеклого порождения практической сметки мистера Страусса. Раритет сей мирно покоился в шкафу, поскольку у меня не было желания по несколько раз на дню отвечать на расспросы общительных горожан: что за штаны удивительные, да откуда такие берутся – нет уж, благодарю покорно!

Мертвец лежал на земле, лицом вниз, в окружении небольшой, но сплоченной группы оцепеневших свидетелей происшествия. Прореха на куртке и кровавое пятно на спине не оставляли особых сомнений касательно причины его прискорбного состояния: «Убит посредством порчи тела, а именно протыкания задней части спины с применением холодного оружия», – как писали когда-то полуграмотные, но цепкие сельские парни в милицейских протоколах. Для того чтобы составить сие умозаключение, помощь судмедэксперта мне не требовалась, – даже если бы представители этой почтенной профессии и водились в наших краях. А они тут не водятся, равно как и полицейские, судьи, прокуроры и адвокаты. Здесь даже частных сыщиков отродясь не было: до сегодняшнего дня жителям Города в голову не приходило, что некоторые странные люди способны

тратить время на такую ерунду, как убийства, ограбления, изнасилования и прочие подсудные дела. Почему они столь невинны – отдельный вопрос, ответ на который я до сих пор не спешил окончательно сформулировать... опасался сформулировать, откровенно говоря.

А сейчас на лицах зевак было выражение – нет, не ужаса, не возмущения, а глубочайшей растерянности. Никто не предпринимал попыток проверить, жив ли пострадавший, никому в голову не приходило разыскать убийцу. Об активных действиях вообще речи не шло: горожане предавались созерцанию. Некая фундаментальная программа их бытия дала сбой, жизнь остановилась.

– Надо ведь что-то делать, да? – Алиса требовательно заглядывала мне в глаза. – Установить личность, найти его родственников или друзей, попытаться понять, кто убийца, или хотя бы просто устроить похороны... Нельзя ведь, чтобы он лежал здесь всегда, правда, Макс?

– Даже не знаю, что тебе сказать, – вздохнул я. – Наверное, ты права. Наверное... Ну давай перевернем тело, может быть, кто-нибудь его узнает.

– А ты сам не справишься? – робко поинтересовалась Алиса. – Я, знаешь ли, пока психологически не готова к работе с трупами.

Пока мы топтались на месте, все глубже увязая в собственной неуверенности, сопровождавшая нас собака неторопливо подошла к мертвецу, ткнула носом в его плечо,

коротко бухнула и требовательно посмотрела на меня. Крошечные огненно-золотые зрачки в темной, болотной радужной оболочке – никогда прежде я не видел таких глаз!

– Получается, это его собака? – удивилась Алиса.

Наш четвероногий спутник тем временем занялся делом. Ухватив зубами куртку покойника, помогая себе головой и лапами, собака перевернула тело. Снова уставилась на меня и завывала – в лучших традициях третьесортного ужастика.

Мне, впрочем, было не до критического осмысления реальности: я во все глаза глядел на лицо мертвеца, которое оказалось точной копией моего собственного.

– Макс, это ты?! – испуганно взвизгнула Алиса.

– Хороший вопрос, – нервно рассмеялся я. – Какой ответ тебя устроит? «Да», «нет», «не знаю»? Выбирай, не стесняйся.

Собака перестала выть. Подошла ко мне, ткнулась носом в колени. Потом положила передние лапы мне на плечи, благо размеры ей это позволяли, коротко зарычала и лизнула в нос – при этом зверюга настойчиво сверлила меня отнюдь не собачьим взглядом. Нервы мои не выдержали, я зажмурился, чтобы не видеть огненные искры песьих зрачков... чтобы вообще ничего не видеть.

## 22. Мэнь-Шэнь

В китайской мифологии духи-хранители ворот.

– Это твой труп – сам и выпутывайся, – решительно заявила Стаси.

– Спасибо, – отвечивал я. И язвительно добавил: – Всегда знал, что мне есть на кого положиться в трудную минуту!

– Не говори чушь, – вспыхнула она. – Что значит – «положиться»?! – Ее голос был пронзителен, как птичий крик; руки метались у лица, словно изготовились начертать охранительные знаки, да в суматохе изменили каноническую траекторию движения. – Ты что, всерьез полагаешь, будто мы можем тебе хоть чем-то помочь? За кого ты нас принимаешь? Думаешь, мы какие-нибудь добрые феи? Хрен тебе – феи! Мы – обыкновенные женщины, которые случайно оказались в чудесном месте. Ты сам нас сюда привел, ты забыл? И мы до сих пор не понимаем, что это за место. Не понимаем, как мы сюда попали. Мы не знаем даже, живы мы или нет. Лично я подозреваю, что нет, и стараюсь думать об этом пореже... И тут приходишь ты – тот, на ком все держится, – и просишь о помощи. Ты представляешь вообще, что надедал?! Зачем вы с Алисой притащили домой этот труп, Макс? Вы не могли кинуть его в какую-нибудь канаву?

Алиса метнула на нее негодующий взгляд, но промолчала.

В гостиной воцарилась тягостная тишина – не то тихий

ангел пролетел, не то просто будущий страж порядка родился – поди разбери! Лиза, насупившись, сидела на корточках подле моего мертвого двойника. Юстасия взобралась на подоконник и демонстративно разглядывала полуденные облака, переводя дух после давешнего пламенного выступления. Идиллия нашего совместного существования рухнула, будто карточный домик; теперь происходящее было куда больше похоже на обычную жизнь, чем на сладкий сон.

– Извини, Стаси, но у меня нет привычки кидать свои трупы в канаву, – сухо сказал я. – Не то воспитание. Это раз.

– Надеюсь, аргумент за номером два будет более веским, – фыркнула она.

– А вот тебе и аргумент за номером два. Вряд ли на мне все действительно «держится». Напоминаю: мы пришли сюда вместе. Никто никого не «вел». Более того, все началось с того, что вы меня разбудили. Не знаю уж как, но вы сделали призрака живым человеком. Потом случились всякие-прочие чудеса, и мы оказались в этом городе. Я не раз пытался обсудить с вами некоторые странные особенности этого места, но вы с Лизой не хотели говорить на эту тему. Ладно, не хотели, и не надо. Ваше дело. Алиса вполне способна заменить полсотни собеседников, поэтому я оставил вас в покое...

– Макс, это был комплимент? – кокетливо поинтересовалась Алиса.

– Нет, констатация факта... Дай договорить.

– Можешь не договаривать, – буркнула Юстасия. – И так понятно. Сейчас ты скажешь, что этот город – не твоих рук дело, и ты сам ни хрена о нем не знаешь, не понимаешь и вообще подозреваешь, что все чудеса совершили мы сами, без твоего участия. Этого я и боялась... Ладно, ты прав, а я – сука вздорная. Так и запиши... нет, я настаиваю, именно запиши! Где в этом доме бумага?! Хоть один сволочной обрывок сволочной бумаги?..

– Не истери, – попросил я. – Ничего страшного пока не случилось. В конце концов, я принес в дом свой труп, а не твой.

– Вы бы себя со стороны послушали, – вздохнула Лиза. – Совершенный абсурд. Ионеско отдыхает. Но вы не обсудили главное: этого мертвого человека следует где-нибудь закопать. В смысле – похоронить. То, что он твой двойник, Макс – это, конечно, возмутительно. Но он ведь не может навсегда остаться у нас в гостиной, правда?

– Он-то может, – ехидно возразила Стаси. – Это мы не можем... Вернее, можем. Но не хотим. По крайней мере, я не хочу, чтобы он тут лежал. И вообще...

Дверь бесшумно отворилась, в комнату вошел пес с волчьим хвостом. Молча сел у моих ног.

– А это что за зверь? – умилилась Лиза. – Это ты его привел, Макс?

– Он сам пришел. Подозреваю, что он намерен отзываться на имя Анубис, иным звукорядом его не приманишь...



Пес невозмутимо кивнул. Мои подружки растерянно его разглядывали.

– Анубис – это остроумно, – нерешительно похвалила меня Лиза.

– Боюсь, не так уж остроумно. Зато соответствует истинному положению вещей, – вмешалась Алиса. – Этот пес заставил нас с Максом принести труп домой. По крайней мере, у меня сложилось впечатление, что он каким-то образом руководил нашими действиями.

– Если бы он еще объяснил, что нам теперь с этим делать, – тоскливо сказал я. – Потому что я ничего не понимаю. Помню только, что встреча с двойником считается опасным эпизодом в большинстве культурных традиций. Увидеть двойника – значит встретить смерть... Но что означает встреча с мертвым двойником?

– Встреча с мертвым двойником означает, что ты идиот, – подсказала Стаси. – Потому что только идиот мог влипнуть в такую идиотскую историю!

– Спасибо, я тоже тебя люблю, – кивнул я.

– Юстасия, да что с тобой? – наконец рассердилась Алиса. – С чего ты взъелась на Макса?

– А с того, что я ничем не могу ему помочь! Если он умрет, он... Он все испортит! В моем представлении Макс – это та самая черепаха, на которой стоят киты, поддерживающие земную твердь. Возможно, мы и есть эти киты. Но! Без черепахи мы не обойдемся. Я паникую, да. Я ору на Мак-

са, как кит орал бы на черепаху, которая собралась дезертировать... – Она виновато исподлобья покосилась на меня и буркнула: – Я не хотела тебя обидеть, Макс. Кого угодно, но только не тебя. Ты же знаешь.

– Разумеется, – примирительно сказал я. – Не страшно, Стаси. На твоём месте я бы и сам устроил истерику. Я бы её и на своём месте устроил, да Анубис не велит.

– Собака, что ли?

– Ну да, собака, – вздохнул я. Пес адресовал мне укоризненный взгляд. Дескать, не мели попусту.

Я покорно умолк: его глаза оказывали на меня почти гипнотическое воздействие.

Мой четвероногий повелитель тем временем занялся наведением порядка – как он это себе представлял. Ухватил зубами куртку моего мертвого двойника и принялся таскать его по полу. Женщины молча наблюдали за его действиями. Наконец пес расположил труп почти в центре комнаты, головой к окну, ногами к выходу. Улегся рядом, уложил косматую башку свою на грудь мертвеца и адресовал мне требовательный взгляд. Я сразу понял, чего он хочет: у этой странной твари не было проблем с невербальной коммуникацией.

– Сейчас нам следует спокойно обсудить ту самую тему, которую вы так не хотели поднимать с тех пор, как мы здесь появились, – сказал я женщинам. – Лучше поздно, чем слишком поздно.

– О Городе? – прищурилась Стаси.

– О Городе, – эхом откликнулся я.

– А что о нем говорить? – испуганно спросила Лиза. – По-моему, и так все понятно, разве нет?

– Вот и расскажи, что именно тебе понятно, – вздохнул я, подвигая кресло Алисе: та как застыла на пороге, прислонившись к дверному косяку, так и стояла соляным столбом, пока мы с Юстасией вели свою нелепую перепалку. – Потом выскажутся остальные. И я тоже расскажу, что мне «понятно», а что – не очень. Возможно, в финале мы будем знать чуть-чуть больше, чем сейчас. Возможно – нет.

– Мне понятно, что мы находимся в каком-то другом мире, – смущенно начала Лиза. – Это довольно дико звучит, но, кажется, именно так и обстоят дела. Мне также понятно, что никаких особых перемен во мне самой не произошло: изменились лишь обстоятельства, причем самым благоприятным образом: все мои тайные желания, даже те, о которых я не подозревала, вдруг разом исполнились. «Когда стану богатой, построю себе небольшой белый город где-нибудь в горах, и там будет рай», – так я думала в детстве. Но даже строить не пришлось: он сам откуда-то взялся... Мне нравится, что здесь можно бездельничать и не нужно заниматься карьерой. Мне также нравится, что здесь мне никто не докучает, даже мои любовники появляются лишь тогда, когда я хочу их видеть, и уходят, не успев надоесть. И никакой корреспонденции в почтовом ящике! Собственно, и ящика-то нет. Вопросов вроде: «Как мы сюда попали?» и «Живы мы

или умерли?» – я себе не задаю. Они не имеют практического значения. Скорее всего, это наша коллективная греза, какой-нибудь солипсизм или другая разновидность «сборки мира вручную» – не знаю, но мне хорошо, я довольна. Это все.

– Спасибо, – улыбнулся я ей. – Эгоизм – действительно одна из разновидностей мудрости... Только один вопрос, Лиза. Почти бестактный.

– Бестактных вопросов не бывает, – безмятежно откликнулась она. – Бывает лишь неадекватная реакция на ответы, но с тобой мне это не грозит, правда? Спрашивай на здоровье.

– Ты сама сказала, что у тебя тут появились любовники...

– Тоже мне тайна! – пренебрежительно фыркнула Лиза.

– Не в этом дело. Мне интересно: они похожи на каких-нибудь мужчин, с которыми ты была знакома прежде?

– Ни в коем случае. – она энергично затрясла головой. – Еще чего не хватало!

– Ясно. А на твои личные представления об идеальном мужчине?

– Разумеется. В противном случае зачем они были бы нужны? Здесь, слава богу, не приходится заводить любовника ни для карьеры, ни просто приличия ради – чтобы, к примеру, не ходить в одиночку в кино...

– Ясно, – кивнул я. – Кто теперь?

– Ты сам обещал высказаться, – напомнила Стаси.

– Обещал. Просто у нас с Алисой самые тяжеловесные версии. В отличие от вас мы все-таки чуть ли не семинары на эту тему устраивали. Поэтому наши выступления лучше оставить на закуску, чтобы не сбивать вас с толку.

– Ладно, тогда я, – хмуро кивнула она. – Не торговаться же с тобой... У меня две версии. Обе мне не очень нравятся, но тут уж ничего не поделаешь. Первая: мы все умерли в ту ночь на вилле и теперь находимся... ну, в раю, что ли. Город не похож ни на одно из классических описаний загробного мира, но это как раз не удивительно: пресловутые классические описания – всего лишь интерпретации смутных догадок. Вторая версия: умерла только я, и вы мне мерещитесь в посмертном сне, что, в общем, вполне закономерно, если учесть мою к вам привязанность. Обе версии, кстати сказать, подразумевают, что заведешь этим «раем» ты, Макс.

– Почему именно я?

– Потому что все случилось сразу после того, как ты появился. Потому что ты – призрак виллы Вальдефокс, присутствие которого мы ощущали, пока там находились. Все вполне логично: призрак пришел за нами или только за мной, чтобы увести за черту... Романтично до безвкусицы, не спорю, но иных предположений у меня нет.

– Ладно, но тогда почему ты так испугалась, когда я приволок этот труп? – изумился я.

– Твой мертвый двойник – дурной знак, – упрямо сказала она. – А что плохо для тебя – плохо для всех нас.

– Но если мы все уже умерли, что еще может с нами случиться? – растерянно спросила Алиса.

– Все что угодно. Может оказаться, что этот городок – всего лишь короткая предсмертная галлюцинация перед небытием. Такое явление описывается некоторыми специалистами. Откуда мне знать, что правда, а что нет? Когда все настолько хорошо, начинаешь панически бояться перемен. Думать о них не могу! Не хочу покидать этот солнечный Лимб. И не хочу расставаться с вами. В том числе и с тобой, Макс. Достаточно?

– Вполне. Скажи только: я правильно понимаю, что этот, как ты говоришь, «посмертный сон» полностью соответствует твоим представлениям о том, какой должна бы быть райская жизнь?

– У меня, знаешь ли, никогда не было представлений о райской жизни. Впрочем, я понимаю, что ты имеешь в виду. Да, здесь все именно так, как мне хотелось бы. Вернее, почти все. Например, ты, Макс, не всегда ведешь себя так, как я считаю нужным. Но это лишь подтверждает мою версию: ты – не часть наваждения, ты – сам по себе.

– Когда это я веду себя «не так»? – я почти возмутился.

– Периодически. Я как-нибудь на досуге составлю список, если тебе действительно любопытно...

– Чушь! Я совершенно уверена, что жива, и вы все – тоже... Ну, по крайней мере, за себя я ручаюсь! – вдруг рассердилась Лиза. – Но вести теоретические споры не хочу

и не буду. Я с самого начала решила, что с нами произошло настоящее большое чудо: мы попали в волшебное место. А чудеса нельзя пытаться объяснять, они от этого портятся... Знаете, когда я была маленькая, мне подарили говорящую куклу: по тем временам почти чудо! И, конечно же, я...

– Разобрала ее, чтобы посмотреть, как устроен механизм? – понимающе улыбнулась Алиса. Я догадался, что от ее нежных ручек в свое время приняло смерть немало хитроумных устройств.

– Хуже. Гораздо хуже. Я не сумела разобрать куклу, и мне пришлось разрезать ее кухонным ножом. Я не рассчитала свои силы и вместо того, чтобы сделать аккуратный надрез, разрежала куклу на две половинки. Потом долго рассматривала механизм, но все равно ничего не поняла. Так и сидела весь день наедине с неразгаданной тайной и разрезанной куклой. Еще и мама огорчилась до слез: кукла была дорогая... С тех пор я стараюсь просто пользоваться вещами, а не разбираться, как они устроены.

– Солнышко, ты явно не находилась к психотерапевту! – расхохоталась Стаси.

– Я к нему вообще не ходила. Еще чего! Это занятие для вялых вареных огурцов!

– Для кого? – опешил я.

– «Вялые вареные огурцы» – так мы с подружками называли обеспеченных домохозяек, – улыбнулась она. – Рядовых представительниц среднего класса, так сказать.

– Какая прелесть!..

– Алиса, теперь ты, – потребовала Стаси. – Рассказывай, до чего вы с Максом договорились.

Я всегда поражался ее феноменальной способности перехватывать инициативу. Сейчас Юстасия вела себя так, словно все эти месяцы настойчиво пыталась вынудить нас поговорить о Городе и вот наконец-то добилась своего.

– Мы-то как раз не договорились, – вздохнула Алиса. – У меня на этот счет свое мнение, а у него – свое.

– Иначе и быть не могло. Ну же, не томи!

– Начну с того, что мне вовсе не кажется, будто мы попали в некую «волшебную страну», «загробное царство» – называйте как угодно. Это – не тот мир, в котором мы родились, тут не поспоришь. Однако он не менее реален, чем, к примеру, вилла Вальдефокс, где мы все встретились. Я много общалась с местными жителями, заходила к ним в гости... будете смеяться, я даже стала кем-то вроде крестной матери: здесь, оказывается, есть обычай в день рождения младенца выходить на улицу и приглашать в дом каждую восьмую из встреченных женщин; отсчет прохожих продолжается, пока их не наберется ровно восемь. Считается, что эти случайные гости – что-то вроде добрых фей, которые, сами того не ведая, одарят малыша удачей и прочими благами... Ну вот, один раз я оказалась восьмой по счету. Меня зазвали в дом, весь вечер угощали вином и сладостями... Очень милый обычай, правда?



– Милый, милый... И что с того?

– Эти люди никак не могут быть нашими наваждениями, – упрямо заключила Алиса. – Скорее уж мы – их наваждения. Образцовые городские привидения, достаточно нахальные, чтобы появляться на людях даже при свете дня. А что? Живем мы замкнуто, ведем себя, как правило, странно – это не мое мнение, а *общественное*, имейте в виду. Впрочем, нас в городе любят такими, какие мы есть, и перевоспитывать не собираются, так что все в порядке... Ах да, чуть не забыла. Знаете ли вы, что дом наш то появляется, то исчезает? То есть его не всегда видно. Это стало мне известно со слов наших ближайших соседей: они тактично пытались выяснить, что у нас происходит.

– Вот это новость! – нахмурилась Юстасия. – Дом исчезает, говоришь? Странно, что мы ничего не замечаем...

– Уверен, что дом исчезает в тех случаях, когда мы спим, причем все четверо одновременно, что, согласитесь, случается не так уж часто, – вмешался я.

– Вот как? – протянула Лиза. – Что ж, все может быть...

– Рассказывай теперь свою хитроумную теорию, – подмигнула мне Алиса. – Уверена, что моя версия будет признана более удачной. Хотя бы потому, что, в отличие от твоей, она простая и понятная.

– Моя тоже простая и вполне понятная, – сделав сие официальное опровержение, я умолк. Это моя вечная проблема: никогда не знаю, с чего следует начать монолог. Даже когда

собираюсь ознакомить восхищенную аудиторию с оптимальным способом приготовления яичницы в домашних условиях — всего лишь!

*Гайто Газданов писал о полупрозрачной непроницаемой пленке, словно бы обволакивающей глаза людей, не привыкших мыслить; думаю, он наверняка сравнил бы этот почти невыразимый эффект с некой особенной разновидностью контактных линз, если бы в сорок первом году, когда он писал «Ночные дороги», контактные линзы уже были изобретены... Так вот, глаза здешних горожан тоже кажутся мне покрытыми своего рода пленкой, но не тусклой, а, наоборот, слишком яркой. Такие глаза могли бы быть у святых или у джиннов, отпущенных на волю из ламп и бутылок. Порой я думаю, что они вообще ничем не являются и сияние их глаз — лишь зеркальное отражение моей давней невысказанной мечты о месте, где людей с тусклыми зрачками попросту нет...*

Да, пожалуй, начну именно с Газданова, как это ни нелепо в данных обстоятельствах... вот именно, в *данных*. В обстоятельствах, данных нам не то свыше, не то в ощущениях, не то в долг.

Пес, о котором мы уже почти забыли, вдруг тихо зарычал, исподлобья уставившись на меня.

— Он... она... Макс, эта собака хочет, чтобы ты молчал!

Стаси оказалась неплохим переводчиком, но ее вмешательство не требовалось: я и сам понял, что мне следует дер-

жать язык за зубами.

Почему-то.

Наш четвероногий друг окончательно свихнулся. Нарезал круги по комнате, постепенно приближаясь к мертвецу, ритмично подвывая и поскуливая; результат больше походил на варварские напевы какого-нибудь лесного колдуна, чем на обычные собачьи страдания. Мы молча наблюдали за ним, не в силах сдвинуться с места. По моей спине ползла тонкая струйка холодного пота, скользкая и подвижная, как гадюка. Тело обмякло, приготовившись не то хлопнуться в обморок, не то покорно подставить шею под жертвенный нож – как прикажете, мой господин, с любовью и удовольствием!

– Он умер не в срок, – вдруг сипло сказала Юстасия; тонкий указательный палец с полированным полуптичьим когтем устремился в направлении трупа.

– Как можно умереть не в срок?

– Не знаю. Очевидно, он гений.

– Среди удобрений... Ой, это мы в школе так говорили... Они нервно хихикают.

– Почему ты это сказала, Стаси?

– Откуда я знаю? Само сказалось...

– Он умер не в срок, он умер не в срок, он умер не в срок, – теперь они смакуют эту дурацкую фразу на несколько голосов. Сумасшедший дом!

– Макс, слышишь, ты даже умер не в срок, бестолочь!

– Не говори так. Макс не умер.

– А чей это труп, по-твоему?

– Это не он. Просто двойник. Брат-близнец.

– А что мы знаем о двойниках?

– О двойниках? Ничего.

– Правильно, ничего.

– Мы знаем, что мы ничего не знаем, это же классика! – снова вымученный смех. Будто их кто-то щекочет.

– Надобыус пок оить сянем огум нест рашноипо томус мешнонет нуж новзя тьсе бяврук инуво тибе рияян емо гу. – я внезапно осознал, что не понимаю больше их речь, только слышу голоса, слившиеся в единый убаюкивающий гул... Даже не так, не слышу, а вижу. Обнаружилось вдруг, что мир состоит из нескольких слоев: на самой поверхности – тонкий целлофан знакомых голосов, под ним – скользкий шелк солнечного света, еще глубже – непрочный, но целебный марлевый бинт привычного домашнего интерьера, а под ним – толстый войлочный слой небытия, темноты, которую ощущаешь не глазами, а всем телом...

Спина моя наслаждается соприкосновением с упругим ворсом ковра; надо понимать, я уже не стою, а лежу. Рядом мерцают янтарные песьи глаза – не добрые, не злые, не равнодушные даже, – *никакие*. Где-то вдалеке непропеченными солнечными зайчиками светятся лица: раз, два, три... Нет, не три, а четыре, так-то. Я лежу на ковре, а тот, чье место я занял, стоит в дверном проеме, пытается успокоить моих

подружек и выпроводить их из гостиной, потому что нам...

Да, как ни странно, нам следует кое-что обсудить.

## 23. Мяцкай

В мифологии тобольских татар <...> дух умершего колдуна, покинувший кладбище и продолжающий жить среди людей.

Когда мы остались одни (пес улегся на пороге, его рыжее тело стало своего рода шлагбаумом между миром живых и миром мертвых), ко мне тут же вернулась полуденная ясность бытия – словно некий невидимый душитель передумал и убрал тяжкую войлочную подушку с моего лица. Впрочем, встать я по-прежнему не мог. Очевидно, одному из нас полагалось сохранять неподвижность – регламент!

Мой двойник подошел поближе, присел на корточки и теперь внимательно меня разглядывал. Никаких признаков смятения на его физиономии я не обнаружил. Он сохранял совершенное, я бы сказал, противоестественное спокойствие. Поэтому я заговорил первым:

– Что происходит?

– Уже ничего.

– Совсем?

– Совсем. Когда встречаешь себя, мир пропадает. В сущности, он больше не нужен...

– Поэтому и считается, что встреча с двойником – это смерть?

– Поэтому и считается, да.

– А почему нас двое? Откуда ты взялся? Или откуда я взялся? Кто из нас настоящий?

– Хороший вопрос. Хотел бы я это знать... А ты сам что думаешь?

– Ну, честно говоря, у тебя больше шансов оказаться «настоящим»: не так давно я был призраком на вилле Вальдефокс. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Черт его знает. «Вальдефокс» – где это? Германщина какая-нибудь?

– Да. Городок называется Шёнефинг. Из Мюнхена на электричке за час можно доехать. Это если останавливаться у каждого телеграфного столба, на машине гораздо быстрее...

– Стоп, вспомнил. Однажды я был там проездом, но никаких призраков не видел... – смеется. – А знаешь, для баварского привидения ты слишком худой. И где, скажи на милость, твои кожаные шорты и тирольская шляпа с пером удода?

– Считай, что оставил преемнику... Почему именно «удода»?!

– Слово хорошее.

– А ты кем был? Что говорит тебе твоя память?

– Память... Она много чего говорит, с нею не соскучишься! Знаешь, я как раз дописал эссе о смерти литературных героев и тут же умер сам. Идиотизм какой-то... Я не был призраком, если тебя это интересует. Нормальный живой че-

ловек – насколько нахх может быть нормальным...

– «Нахх»? Что это такое?

– Самоназвание такое дурацкое... Коротко говоря, нахх – это тот, кто смотрит в темноту... Сложно сейчас объяснять. Потом. Сам разберешься.

– «Потом»? В данной ситуации это слово неуме...

– Вполне уместно. Тебе предстоит прожить мою жизнь. Может быть у тебя получится выправить курс...

– Что?!

– Ну... Изменить направление судьбы. Не умереть на собственной кухне в возрасте тридцати двух лет. Прожить этот день до конца. Тогда для нас с тобой наступит еще одна осень, и все будет хорошо.

– «Хорошо» – это как?

– Пока не попробуешь, не узнаешь.

– Ладно... А как мне следует прожить твою жизнь? Ну, я имею в виду, что именно нужно сделать, чтобы *курс выправился*?

– Знал бы прикуп...

– Ну да, ну да... А какой ты был? Хотя что-то о тебе я должен знать.

– Ты никому ничего не должен.

– Хорошо, не должен. Но я *хочу* знать о тебе хоть что-то.

– «Хочу» – это уже лучше.

– Не придирайся. Что ты любил?

– Любил? Станный вопрос.



– Почему? Самый простой способ узнать человека: выяснить, что он любит.

– Ты так думаешь? Забавная теория! Ладно, если ты так хочешь... Я люблю зверей. Всяких, даже крыс, пауков и гадюк. И растения люблю – все без исключения. Бродить по лесу, а еще лучше – лечь на траву, уткнуться лицом в мох и лежать долго-долго... Воду люблю. Плавать в море, а возле реки – жить. Смотреть на реку. Ветер тоже люблю, даже когда он зимой в морду дует. Люблю ходить босиком. Возвращаться домой летом на рассвете и знать, что там никого нет и можно лечь спать... Есть ежевику с куста. Да, если уж речь зашла о гастрономических предпочтениях, нельзя не упомянуть кактусовый чай, эфиопский кофе и тоник.

– С джином?

– И с джином, и без. Но обязательно с лаймом. И лед. Много льда... Не перебивай.

– Не буду. Что еще?

– Ночевать под открытым небом. Быстро-быстро ехать в автомобиле по загородной дороге. Можно, впрочем, и по городу, если он большой: тут важно знать, что еще нескоро приедешь. Хорошую обувь. Улиток. Гулять по незнакомому городу. Цветные стекла. Стрелять из лука или пистолета. Из ружья, кстати сказать, не люблю, ибо мажу... Запах дыма. Бродить в тумане. Кататься на качелях. Воровать арбузы с бахчи. Уезжать на поезде, особенно ночью и в люксе... из чего, кстати, следует, что я люблю ком-

форт. И еще собирать грибы, камни, ягоды, листья, дрова – просто что-нибудь собирать. Проснуться утром, посмотреть на часы и обнаружить, что еще рано и можно спать дальше. Кедровые орешки. Зеленый цвет. Внезапно обнаруживать «своих»: по сиянию глаз, по ненароком брошенному слову или жесту. Сны. Сумерки. Смотреть на огонь или на текущую воду. Гулять под снегом с плеером. Выйти из дому в первый раз после простуды. Тратить деньги. Завалиться на диван с детективом. Кормить уток и вообще всяких птиц. Бежать вниз по склону холма. Крутиться, задрав голову, пока не упадешь – лучше бы в траву, чем на асфальт, конечно... Я вообще очень люблю жизнь – со всеми вытекающими последствиями.

– Это заметно. Хотя корректнее было бы употреблять глагол в прошедшем времени.

– В задницу твои глаголы! Скажи лучше, как поживает твоя теория? Ты теперь хорошо меня знаешь?

– Лучше, чем хотелось бы. Подойди к окну. Видишь стопку бумаг на полке возле подоконника? Славно. Там наверняка должны лежать несколько исписанных листочков бумаги в клеточку.

– Есть!

– Выбери тот, где самые жуткие каракули.

– Ага... У меня тоже отвратительный почерк...

– Ни на секунду не сомневаюсь. Начинай читать. Вслух, пожалуйста.

– Ладно. Я люблю зверей. Всяких, даже крыс, пауков и гадюк. И растения люблю – все без исключения. Бродить по лесу, а еще лучше – лечь на траву, уткнуться лицом в мох и лежать долго-долго... Воду люблю. Плавать в море, а возле реки – жить. Смотреть на реку. Ветер тоже люблю, даже когда он зимой в морду дует... Ч-ч-черт! Мои слова сами записались на бумажку?

– Да, причем дня три назад. Лиза попросила нас всех составить список: кто что любит. То ли игра такая, то ли она решила сделать нашу жизнь еще приятнее, хотя куда уж дальше... Ну, мы и написали. Лично я чувствовал себя идиотом, но ей ведь невозможно отказать!

– Лиза – это толстушка? Да, она славная...

– Они все славные... Теперь мы оба точно знаем: ты – это я. Или наоборот...

– А ты сомневался?

– Не сомневался. Надеялся.

– Ну-ну... Впрочем, я тоже.

– Я сейчас отсюда исчезну?..

– Не знаю. Проснешься, небось, в моей шкуре... Где-нибудь, когда-нибудь.

– Твоя жизнь мне уже снилась. Не так уж и плохо...

– Согласен, не так уж и плохо.

– Слышишь? Море шумит.

– Здесь нет моря. Ты засыпаешь.

Вместо лица двойника надо мной нависла песья морда.

Янтарные глаза – два светильника, но ведь у меня нет огнива, а если бы и было, что толку? Мне не нужны монеты, ни медные, ни серебряные, ни золотые, мне не нужна прекрасная принцесса, потому что темнота (или это была собака?) слизнула меня влажным своим языком, и я растаял...

# Н

## 24. Нагльфар

В скандинавской мифологии корабль, сделанный из ног-тей мертвецов; на нем мертвецы приплывают из царства мертвых Хель...

Открываю глаза и тут же поспешно их закрываю: неми-лосердная настольная лампа изливает огненные лучи прямо на нежную радужную оболочку.

Перечень телесных неприятностей на этом, надо отдать должное, не заканчивается. Во-первых, болит голова. Во-вторых, прочая утроба тоже ноет как-то противно, словно бы меня не слишком жестоко, но добросовестно били на протяжении последних полутора часов. В-третьих, в-четвертых, в-пятых – да в каких угодно! – У-МЕ-НЯ-БО-ЛИТ-ГО-ЛО-ВА!!! Как некий гигантский гнилой зуб ноет эта злокозненная дрянь. Теоретически говоря, именно так она и должна болеть с похмелья. И это несправедливо, ибо с зеленым зми-ем я вроде бы давненько не якшался. Расплата за ночные бде-ния и несколько часов беспокойной слепополуденной дре-мы? Похоже на то, хотя опять же несправедливо: мне уже воздалось ночными кошмарами. И какими! Кровавые убий-ства, мертвые двойники, прекрасные, но сердитые женщины,

волшебный пес с огненным взором и задушевное общение с собственным трупом – приснится же такая пакость! Бр-р-р-р...

Ползу на кухню, пока варится кофе, пью воду из-под крана жадными глотками – не захлебнуться бы! Заодно и умываюсь холодными брызгами. Тело понимает, что вода – это хорошо. Просится в душ. Обещает не поддаваться общей слабости, не терять равновесия и не падать на скользкий кафель. Делаю вид, что верю, ибо не могу вот так взять и отмахнуться от собственных телесных причитаний. Веду капризный организм в ванную, мою его липовым мылом. Кофе повел себя вполне интеллигентно: он, конечно, сбежал, но лишь в самый последний момент, когда мы с телом, мокрые и слегка посвежевшие, уже переступили порог кухни. Так что дело ограничилось несколькими густыми кляксами на плите, а на такую неприятность можно забить.

Впрочем, забить можно практически на все, чем я успешно занимаюсь в последние го...

Стоп.

А чем я, собственно говоря, занимаюсь?

Нет ответа. Живу... наверное.

Хорошенькое дело!

Сижу в собственной (вероятно) кухне, пью кофе, закусываю цитрамоном, благо упаковка таблеток обнаружилась среди чистой посуды. Сижу, надо сказать, дурак дураком. Не знаю даже, моя это квартира или съемная. Не помню,

как давно здесь поселился. Понятия не имею, каким образом заработал денег для оплаты своего пребывания под этим потолком цвета светлой охры. Нужно ли мне сегодня куда-нибудь идти? Или кому-то звонить? Или ждать звонка? А завтра? Есть ли поблизости люди, с которыми меня связывают некие обязательства? А может быть, я, чем черт не шутит, женат? И сейчас сюда придет женщина, связавшая свою судьбу с идиотом, который не помнит о себе ничего, кроме давешнего кошмара, да и тот, честно говоря, весьма смутно...

Нормально. Приехали.

Несколько минут (и несколько глотков кофе) спустя голова моя начала наконец освобождаться от докучливой боли и заполняться полезными мыслями. В частности я сообразил, что можно провести расследование. Осмотреть квартиру, порыться в шкафу, почитать бумаги, изучить документы, ежели таковые найдутся. И, таким образом, узнать о себе хоть что-то.

Следствие на первом же этапе показало, что никакой жены у меня нет. Подружки, кажется, тоже. По крайней мере, в этой квартире я до сего дня жил один. И, смею заметить, неплохо одевался: одежный шкаф заполнен исключительно предметами мужского гардероба; отдельные экземпляры мне захотелось немедленно примерить. Несколько пар обуви, обнаруженные в коридоре, окончательно примирили меня с необходимостью жить дальше. Память – черт с ней, зато

какие ботинки!

В комнате не было ни телевизора, ни радиоприемника. Впрочем, обстановка отнюдь не вопила о нищете: в одном углу помещался навороченный музыкальный центр, а в другом тихо гудел компьютер. Я машинально щелкнул мышью, темный монитор неохотно вышел из спячки и явил мне короткий текст под названием «Мы убиваем, нас убивают». Попытка прочитать написанное вернула к жизни головную боль, и я счел за благо отложить литературные штудии на неопределенное «потом». Для начала достаточно знать, что грамоте я, оказывается, обучен. Уже хорошо.

Сие фундаментальное знание пришлось как нельзя более кстати, когда я принялся разбирать документы. Несколько ламинированных пропусков в какие-то загадочные места, водительские права, два паспорта, причем один – заграничный. Если верить лиловым, зеленым и малиновым оттискам на соответствующих местах, я, как минимум, четыре раза пересекал разнообразные государственные границы. Что ж, неплохо. Было бы и вовсе распрекрасно, если бы я смог вспомнить хотя бы одну из этих гипотетических поездок. Но как ни понукал воображение – вотще. Только смутные воспоминания детства в заграничном военном городке поднялись было на поверхность, издали жалобный крик о помощи, помахали слабыми ручонками и благополучно ушли на дно. Ну, не очень-то и хотелось...

Мне требовалась более актуальная информация. Скажем,



квартирные книжки, выписанные на имя какой-то посторонней женщины. Поскольку в доме не нашлось ни единой женской тряпочки, да и в паспорте никаких брачных отметин, очевидно, квартира все-таки съемная. Интересно, сколько с меня за нее дерут? Ответ на этот вопрос поджидал меня на ближайшем повороте: квартирная хозяйка, оказывается, оставляла мне расписки. Ага, в последний раз она получила от меня сто пятьдесят долларов. Наверное, это недорого... Или как? И когда грядет следующая расплата?

Еще через несколько минут я нашел собственный бумажник, изучил его содержимое и остался доволен. Понял, что полторы сотни в месяц – вполне посильная для меня сумма. И на том спасибо.

Все эти мелкие бытовые открытия дарили положительные эмоции, но каким-то образом уводили меня в сторону от поставленной цели. Выводы, основанные на наблюдениях, возможно, были верны, но воспоминаний не пробуждали. Моя жизнь по-прежнему оставалась глубокой темной лужей, на самом дне которой копошились какие-то смутные образы – не более того.

Поэтому телефонному звонку я обрадовался как благовесту. Решил почему-то, будто живая человеческая речь окажет на меня более мощное воздействие, чем копошение в вещественных доказательствах. Взял трубку, вежливо сообщил: «Я слушаю».

– Это хорошо, что слушаешь. Куда подевался-то? Уезжал?

Я уже начал думать, что ты сменил квартиру.

Голос был незнакомый. Но, судя по интонациям, мне звонил близкий друг. На худой конец, очень хороший приятель. Возможно, даже брат... впрочем, братьев у меня все-таки, кажется, не было. Хотя...

Я все взвесил и решил, что нужно рискнуть. Признаться этому гипотетическому другу-брату, что у меня проблемы. Серьезные, весьма вероятно. Пусть приедет и расскажет мне, как я жил в последние дни, недели, месяцы. Возможно, годы. Деваться все равно некуда. Того гляди, завтра начнут звонить совсем посторонние люди – и как я, спрашивается, буду поддерживать разговор? То-то же.

– Это кто? – спросил я на всякий случай. В надежде, что имя моего собеседника станет толчком к пробуждению памяти. Однако не вышло. Он, кажется, даже обиделся.

– С каких это пор ты меня узнавать перестал? Веня это, Веня. А ты думал кто?

– Я ничего не думал, – признаюсь удрученно. – Веня, у меня, кажется, проблемы. Ты не мог бы ко мне приехать?

– Запросто. Затем и звоню, между прочим. Бо маю вильну годину, та й натхнення<sup>3</sup>.

– Это хорошо, – улыбаюсь невольно. – Это просто замечательно. Тебя когда ждать?

– Если не будет на проспекте Мира пробок, значит, через полчаса. Если будут – сам понимаешь... У тебя закус-

---

<sup>3</sup> Ибо имею свободное время и вдохновение (искаженный украинский).

ка-то есть? Учти, я везу бутылку джина. И два литра тоника.

– У меня, – говорю, – есть кофе, сахар и цитрамон. Очень хорошие, питательные таблетки от головной боли. И еще какая-то заскорузлая дрянь в холодильнике, но к твоему приезду я ее выкину, обещаю.

– Понял. Аскетический подвиг продолжается, – ржет мой будущий спаситель. – Значит, жди меня через час, не раньше. Придется тебя не только спаивать, но и кормить. Мои отцовские инстинкты будут в восторге.

Он кладет трубку. Я смеюсь от облегчения. Все еще надеюсь, – да какое там, почти уверен! – что увижу сейчас знакомое лицо, и все встанет на свои места.

Отворачиваюсь от телефона, рассеянно выглядываю в окно: дескать, что там у нас происходит с окружающим миром? И тут-то земля окончательно уходит у меня из-под ног, не оставив на прощание даже коротенькой записки с извинениями.

Потому что вместо обычного городского пейзажа, к виду которого я уже успел привыкнуть и даже душой прикипеть, пока сидел на кухне, пытаюсь привести себя в чувство, за окном сейчас возвышались горы. Не слишком высокие, округлостью очертаний напоминающие Карпаты, но не столь лесистые. На склоне ближайшей горы толпились причудливые тени, горели оранжевые и зеленые огни, затмевающие тонкий серп ущербной луны, – неужели город?

Конечно, город, что же еще. И уж его-то, в отличие от сги-

нувшего заоконного пейзажа, я узнал сразу.

Сочетание приземистых массивных зданий и хрупких, почти игрушечных башенок, дом из белого кирпича, на островерхой крыше которого крутился флюгер в форме попугая. И еще мне показалось, будто я слышу музыку, едва различимую танцевальную мелодию, словно на городской окраине в разгаре вечеринка...

– Вот! – тихо говорю сам себе. – Там-то я и жил. А здесь жил кто-то другой. И значит, никакие кошмары тебе не снились. Эх ты, жопа! Сон от жизни отличить не можешь, горе мое...

Поспешно открываю окно, понимаю, что могу сейчас вернуться домой, и все, вероятно, будет в порядке... Или все-таки не будет? Ну, пока не попробуешь – не узнаешь.

Значит надо попр...

Тьфу ты, господи!

Стоило распахнуть окно, и пейзаж разительно переменился. Обычный московский двор, цветущий каштан, длинная панельная девятиэтажка через дорогу. Оглушенный, я мотал головой, как мокрая собака. Давешнее озарение касательно обстоятельств моей прежней жизни теперь больше походило на приступ безумия, по счастью, не слишком продолжительный.

Не в силах созерцать унылую реальность, пришедшую на смену волшебному моему видению, я рухнул на диван, натянул на голову плед. И вдруг вспомнил, что уже не раз по-

ступал таким образом. Спасался под одеялом от мук разочарования, от тоски и от собственной двойственности. От того Макса, который знал, что безымянный город в горах – часть его судьбы, а вот обычный законный пейзаж – не более чем назойливое наваждение. От себя самого – того себя, которому мой давешний кошмарный сон сулил перемену участи, не то прискорбную, не то чудесную – кто знает, дорогой Ватсон, кто знает...

Я вылез из-под одеяла. Сел, подтянув колени к подбородку. Задумался. Со мною творилось нечто неладное – что ж, не впервой, справимся. Я сошел с ума? Наверняка, но это не беда: безумец вполне может выжить среди нормальных людей, если научится держать себя в руках и притворяться «своим». Изменница память пошла на уступки и теперь льстиво подсказывала, что я всю жизнь только этим и занимался: притворялся «своим» среди чужаков. Судя по всему, небезуспешно: ведь не в дурдоме же я сегодня проснулся, а на собственной, приватной, временно оккупированной территории. И то хлеб.

Прежде всего, однако, мне хотелось понять, наяву или во сне состоялась моя встреча с убиенным и тут же воскресшим двойником. Он толковал что-то об обмене судьбами: дескать, теперь мне придется залезть в его шкуру и прожить его жизнь. Ну а он великодушно займется моими делами. Хитрец, он наверняка заранее представлял себе, насколько выгоден такой обмен!

Ладно. Кусать локти будем позже. Для начала нужно... ну хотя бы бросить монетку. Не то чтобы я действительно полагаю, будто примитивнейшее из гаданий откроет мне истину, но, пусть, по крайней мере, подскажет, как относиться к нахлынувшим воспоминаниям о городе в горах и мертвом пройдохе-двойнике. Орел – сон, решка – явь. Как скажете, так и будет, я парень покладистый. Мне бы ночь простоять, да день продержаться.

Извлекаю из кармана металлический рубль. Подбрасываю в воздух. И становлюсь свидетелем настоящего чуда: монетка падает на ребро, крутится волчком и наконец замирает, так и не явив моему взору ни орла, ни решки.

Я бы, пожалуй, закатил истерику, да телесная слабость тому препятствует. Оно и к лучшему. На фига мне истерика? Мне гостя ждать надо. И молить небеса о снисходительности. Пусть гость окажется другом. Пусть он захочет мне помочь. И пусть, черт побери, он придет как можно скорее! Потому что я больше не могу сходить с ума в одиночестве. Мне срочно требуются болельщики – ну хоть один, для начала.

## 25. Нгектар

В тунгусо-манчжурской мифологии мир нерожденных душ. <...> Души – оми жили на ветвях деревьев. На землю они попадали в виде пушинок и хвоинок.

Небеса были милосердны: в ту же минуту затренькал дверной звонок. На пороге обнаружился невысокий худой синеглазый человек в светлом джинсовом костюме. В руках – объемистый пакет, из коего кокетливо выглядывает горлышко двухлитровой пластиковой бутылки с тоником, как и было обещано.

– Веня?..

– Ну, слава богу, вполне живой и все еще похож на человека, – ухмыляется гость. – Посторонись, горе мое. Дай пройти. Я твердо намерен тебя спасти, а такие вещи на пороге не делаются.

– Спасать, – говорю, – дело хорошее. И своевременное.

Сам чуть не плачу от досады: ни-че-го-не-вспо-ми-на-ется! Хоть убей, ничего. Однако даю гостю дорогу. Тот ломится на кухню, по-хозяйски распахивает холодильник, отправляет в морозильную камеру стеклянную бутылку с джином и пластиковую с тоником, ритуально содрогается при виде пустых полок. Взирает на меня с упреком:

– Ты с каких это пор без денег сидишь?

– Да нет, я вроде с ними сижу. Просто не лежит душа к то-

варно-денежному обмену, — объясняю виновато.

Чувствую себя конченным засранцем. Ей богу, словно папа в гости зашел... Вот интересно, кстати, есть ли у меня настоящий папа? Когда-то в детстве, очевидно, был, а теперь как? Впрочем, это сейчас не самое главное... А что главное-то?

Эх!

— А к чему она у тебя лежит? — деловито осведомляется гость.

— Кто — она? — пугаюсь.

— Душа. Душа, которая, если верить твоим же словам, не лежит к товарно-денежному... впрочем, я уже понял, что ты не в форме. Что случилось-то? Судя по выражению твоего лица, все умерли.

Хорошее наблюдение. Точное. Однако соглашаться с ним погодим. Для начала надо бы найти подобающую формулировку для описания сути моей проблемы. «Спасите, люди хорошие, у меня амнезия!» — так, что ли? А хотя бы и так...

— Налей-ка мне джина с тоником, — говорю. — Не такой я мастер на жизнь жаловаться, чтобы делать это на трезвую голову.

— И то правда. Только первая порция получится теплой...

— Ну и хрен с ней. Я тоже теплый и ничего.

— Аргумент, — уважительно кивает синеглазый незнакомец, позиционирующий в качестве моего старшего товарища и заодно спасителя. Смешивает коктейль. Стремительно добывает откуда-то маленький зеленый лимон, жестом



фокусника извлекает из кухонного шкафа нож, ароматный ломтик цитруса медленно погружается в шипящую жидкость. Опаньки!

После первого глотка я еще не готов к исповеди, но после четвертого – пожалуй.

– Тут вот, – говорю, – какое дело. Не помню я ничего с тех пор, как проснулся. То есть часа два уже. Или даже три... То есть нет, не так. Кое-что помню все-таки. Например, как меня зовут. Детство свое немножко помню, сны какие-то кошмарные и не очень, гору книг прочитанных как наяву вижу, цитаты могу наизусть шпарить... Но это, пожалуй, все. Мне пришлось порыться в документах, чтобы выяснить, что это – не моя квартира, а съемная. Я прав?

Гость кивает. Хмурится. Но тут же старается улыбнуться, чтобы я не спешил падать духом. Получается довольно фальшиво, но все равно, очень мило с его стороны.

– Я даже тебя не помню, – вздыхаю. – Теоретически понимаю, что мы, наверное, друзья. Но это умозаключение, а не воспоминание. Надеялся, что увижу тебя, и в голове хоть что-то прояснится. Но нет. Пока не сработало.

– Хорошо хоть «теоретически» ты что-то понимаешь, – ворчит. – Хотелось бы надеяться, что ты меня разыгрываешь. Но... нет. Кажется, нет.

– Нет, – мотаю головой. – Не разыгрываю. Мне помощь нужна, Веня. Я, как ты понимаешь, не очень хочу пользоваться услугами современной медицины. Пусть се-

бе кого-нибудь другого обслуживает, ну ее... Поэтому мне требуется мое подробное жизнеописание. Перечень деяний и имен. Чтобы впросак не слишком часто попадать. Чего я там не видал, в этом «просаке»?..

– Словарный запас твой, как я погляжу, не пострадал, – замечает он с некоторой осторожностью. Словно бы все еще надеется, что я ломаю комедию.

– Да вроде бы не пострадал. И это вполне согласуется с моей дикой теорией.

– Могу я ознакомиться с твоей дикой теорией прежде, чем эта бутылка опустеет? Хотелось бы сохранить свежесть восприятия и хоть какое-то доверие к собеседнику.

– Налей мне еще джину, всего-то на полпальца, и будет тебе теория. Учти: такие вещи даже наедине с собой вслух не проговариваются. Поэтому не могу я это совсем уж на трезвую голову излагать.

– На полпальца, пожалуй, налью... Погоди-ка, сначала сожри что-нибудь, для моего спокойствия. Зря я, что ли, по супермаркету рыскал?

– Не зря.

Послушно вскрываю упаковку ветчины и с фальшивым энтузиазмом сую в рот тонкий розовый ломтик мяса. Жую. Глотаю, не ощущая ни вкуса, ни аппетита. Вот и молодец. Теперь можно выпить. И поговорить со своим старым другом Веней, которого я, судя по всему, вижу впервые в жизни. Потому что...

Потому что я – копия. Макс, который дружил с этим синеглазым дядей, в настоящее время, вероятно, проживает один из моих дней. А я, соответственно, тут за него отдуваюсь. Когда-то он родился вместо меня, а за это попросил оказать ему ответную услугу: побыть живым вместо него. Такие пирожки. С котятами.

Стараюсь очень спокойно, без лишних восклицаний и тем более жестов объяснить это Вене. Дескать, я ни на чем не настаиваю. Сам понимаю, что идея совершенно дикая. С другой стороны, я как-то слишком уж хорошо помню все свои сны: и о том, как был призраком, и о женщинах, устроивших спиритический сеанс, и о путешествии в Город, и чудесное воскрешение собственного двойника, и так далее, и чем дальше, тем больше воскресает в моей памяти живописных деталей и подробностей... Все это прекрасно, но о событиях, имевших место наяву, я по-прежнему не имею ни малейшего представления. Так что – вот.

– Ясно, – в тон мне, спокойно, флегматично даже, резюмирует Веня. – Если бы Алиса стала ксендзом, и Шалтай-Болтай пришел бы к ней на исповедь, она, возможно, могла бы услышать нечто подобное. Но мне даже нравится. Придает некоторый шарм суровым будням.

– Жаль, – улыбаюсь, – что я ни фиги про тебя не помню. Хорошие, наверное, воспоминания.

– А то! – ухмыляется.

Я ему верю.

## 26. Ненкатакоа

В мифологии чибча-муисков бог ритуальных попоек и хмельного напитка чичи. <...> Помогал <...> тем, что устраивал перемежавшиеся с физической работой попойки.

– А теперь рассказывай, – говорю. – Ты давно меня знаешь? И, думаю, неплохо. Как я жил-то? Чем занимался? Адреса, пароли, явки и прочее дерьмо.

– Будут тебе пароли, будут и явки, да и дерьма не пожалею. Но сначала выпьем, – отвечает Веня. – Надо же мне в себя прийти после твоего официального заявления... Ужас в том, что я уже привык жить с мыслью, что от тебя можно ожидать чего угодно. Поэтому – почти верю.

– Вот как?

Надо бы принять это к сведению. Со мною он имел дело или с моим двойником, но репутация у меня, кажется, та еще...

Бутылка тем временем пуста уже наполовину. Мне стало полегче. Уже почти все равно, какая именно у меня была биография. Сейчас все неплохо – вот и ладно. Что будет потом, никому на фиг не ведомо, а что было... Что было, это мне сейчас Веня расскажет.

– Мы с тобой встретились летом девяносто второго года, – неспешно начинает он. – Мы с моей подружкой Райсой тогда занимались книжным бизнесом, и ты познакомил-

ся с нею на улице, возле одного из наших лотков. Райка ругалась с продавцом, а ты, если верить ее рассказу, подошел, чтобы погадать на книгах. Заодно и ей погадал. И продавцу. Выяснил, что он у нас ворует. Раиса была просто счастлива: она его давно подозревала, да все никак за руку поймать не могла...

– Вот оно как, – изумляюсь. – Значит, я у нас маг и ворожей, ага. Хорошо хоть не народный целитель.

– И целитель тоже, – серьезно говорит Веня. – Иногда, под настроение. Только не перебивай, ладно? Я и так чувствую себя идиотом, когда рассказываю тебе про тебя.

– Извини. Налей мне еще, и я заткнусь.

– Слово скаута?

– Честное пионерское.

Через час мы отправляемся к ближайшему киоску за добавкой. Возвращаемся. Лыко, как ни странно, все еще вяжется – со страшной, между прочим, силой. Веня рассказывает. Я слушаю. Его истории не пробуждают во мне ни единого живого воспоминания, но мне интересно. Чрезвычайно интересно. Начинаю понимать, что предстоящее существование будет непростым, но чертовски увлекательным. И на том спасибо!

## 27. Нирвана

По теории буддизма, о нирване нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что это состояние свободы, покоя и блаженства (хотя все эти слова неадекватны для описания нирваны).

На исходе второй бутылки мы мирно засыпаем. Веня – на моем диване, я – на ковре. Мне, к слову сказать, ничего не снится, и это – лучшее, на что я смел рассчитывать.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.